This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG 3451 A6D5

gift of

Mrs. W. Shockley

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Alekseev, S. A.
//

С. Найденовъ.

Дѣти Ванюшина; драма въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ИЗДАНІЕ
С. СКИРМУНТА.
МОСКВА. 1902.

PG3451
A6D5

Дозволено цензурою. Спб., 4 іюня 1902 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
1902.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Александръ Егоровичъ Ванюшинъ, купецъ, членъ городской управы.

Арина Ивановна, жена его.

Константинъ
Алексѣй
Клавдія
Людмила
Аня
Катя
} ихъ дѣти.

Елена, племянница Ванюшина.

Павелъ Сергѣевичъ Щеткинъ, мужъ Клавдіи, чиновникъ.

Степанъ Ѳедоровичъ Красавинъ, мужъ Людмилы, довѣренный богатой московской фирмы.

Генеральша Кукарникова, вдова.

Инна, ея дочь.

Авдотья, экономка въ домѣ Ванюшина.

Акулина, горничная.

Старикъ въ лохмотьяхъ.

Нѣсколько человѣкъ съ улицы.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ большихъ губернскихъ городовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая въ домѣ Ванюшина. Полутемная комната съ двумя окнами, выходящими въ стѣну сосѣдняго дома. Направо впереди входная дверь изъ сѣней, заставленная фонаремъ съ цвѣтными стеклами; за фонаремъ деревянная лѣстница наверхъ; подъ лѣстницей небольшая комнатка съ стеклянною дверкою. Налѣво, въ глубинѣ сцены, въ углу лежанка; на ней три самовара разной величины и огромные графины съ домашнимъ квасомъ и пивомъ. Лежанка заставлена большимъ буфетнымъ шкапомъ. Слѣва впереди большой обѣденный столъ, окруженный стульями; надъ нимъ простая лампа и передъ нимъ на стѣнѣ портретъ дяди Ванюшина, купца, въ мундирѣ купеческаго старосты. Двѣ двери на заднемъ планѣ: одна въ спальню, другая, довольно широкая и постоянно открытая, въ переднюю, въ которой видна еще дверь въ комнату Константина. Стулья старомодные, съ большими клеенчатыми подушками. Семь часовъ утра, почти еще темно. Спустя нѣкоторое время по поднятіи занавѣса, раздается слабый звонокъ и послѣ паузы еще разъ, и еще разъ—все такой же слабый и нерѣшительный. Акулина спускается съ лѣстницы и идетъ отпирать дверь, босая и заспанная, въ накинутомъ на плечи ситцевомъ одѣялѣ; она ощупью доходитъ до фонаря и скрывается въ немъ.

Алексѣй (въ фонарѣ). Опять заперла?

Акулина. Мамаша велѣла. Замѣтили.

Алексѣй (входитъ). А ты не могла отпереть потомъ? Дура!

(Проходитъ въ переднюю раздѣваться. На немъ гимназическое пальто. Онъ высокій, худой юноша семнадцати лѣтъ. Раздѣвшись, Алексѣй идетъ къ лѣстницѣ. Въ это время изъ спальни входитъ Ванюшинъ въ халатѣ и со свѣчкой въ рукахъ. При появленіи его Акулина быстро убѣгаетъ наверхъ. Ванюшинъ—высокій, сутуловатый старикъ, лѣтъ шестидесяти пяти, еще бодрый и сильный; суровое бритое, синевато-красное лицо; на головѣ большая лысина, окаймленная сѣдыми волосами. При раздраженіи сурово сжимаются брови, синѣетъ лицо и раздуваются ноздри. Онъ рѣдко смѣется и шутитъ, и его смѣхъ и шутки не смѣшны для другихъ. Въ немъ есть что-то подавляющее,

гнетущее, исключающее впечатлѣніе человѣка добраго и простого, хотя этими качествами старикъ надѣленъ природой въ достаточной степени. Главная его особенность характера—замкнутость.)

Ванюшинъ. Гдѣ шатался?

Алексѣй. У товарища былъ.

Ванюшинъ. Смотри, Алексѣй, не доживемъ мы съ тобой до добра. Молоко на губахъ не обсохло, а ночи шатаешься!

Алексѣй. Я, папаша, у товарища былъ. Что тутъ такого?

Ванюшинъ. Врешь! Дери тебя горой! Въ гимназіи сегодня не былъ. Директоръ присылалъ за мной. Пожалѣлъ бы отца-то позорить! (Алексѣй хочетъ уйти.) Постой! Вѣдь ночь изъ-за тебя не сплю... Выгонятъ,— что будешь дѣлать? Бочки съ сахаромъ заставлю откупоривать, хуже рабочаго сдѣлаю! На что ты, дуракъ, разсчитываешь? Чего ждешь? Скажи мнѣ на милость.

Алексѣй. Что говорить... Вы это не поймете.

Ванюшинъ. Да ужъ гдѣ понять! Ахъ ты, лѣшій, лѣшій! Отца ты глупѣе себя считаешь. Ты поживи, сколько я пожилъ, поработай... Ступай съ глазъ долой! (Алексѣй подымается по лѣстницѣ и уходитъ наверхъ. Ванюшинъ садится у стола, разстегиваетъ воротъ рубахи и третъ голую грудь рукою. Изъ комнаты Константина показывается Леночка и, увидавъ Ванюшина, быстро скрывается обратно.)

Ванюшинъ (оборачивается.) Кто это? (Не увидавъ никого, опускаетъ голову и крѣпко о чемъ-то задумывается).

(Изъ спальни выходитъ Арина Ивановна, добрѣйшая по внѣшности старушка, лѣтъ пятидесяти трехъ. Она—старый ребенокъ, и не ребенкомъ никогда не была—такъ наивны ея понятія и знаніе жизни. На головѣ ея коричневый платочекъ, въ которомъ она всегда молится по нѣсколько часовъ сряду утромъ и вечеромъ; въ рукахъ лѣстовка и кадильница съ курящимся ладаномъ.)

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ, спалъ бы пока... вторую ночь не спишь.. Развѣ такъ можно?

Ванюшинъ. Не до сна тутъ, старуха!

Арина Ивановна (желая сказать ему что-нибудь утѣшительное). Расходы будемъ сокращать.

Ванюшинъ. Нельзя этого. Иди, молись.

Арина Ивановна. Зачѣмъ второго дворника нанялъ? Не надо бы нанимать.

Ванюшинъ. Не толкуй!

Арина Ивановна. Чаю попилъ бы. Велѣть, что ли, поставить? (Подходитъ къ лѣстницѣ и кричитъ.) Акуля! — Чай, спитъ еще.—Акуля!

Голосъ Акулины. Что?

Арина Ивановна. Самоваръ.—Сегодня бабушкѣ Лукерьѣ память... два года прошло... Обѣдню заказать надо.

Ванюшинъ. Что намъ съ тобой съ дѣтьми-то дѣлать? Всѣ врозь...

Арина Ивановна. Дѣти... Ну, что же дѣти? У всѣхъ дѣти. Алёшенька, вотъ, худой ужъ больно стаётъ.

Ванюшинъ. Выдрать его, такъ пополнѣетъ.

Арина Ивановна. Полно ужъ ты, Александръ Егоровичъ!

(Изъ своей комнаты выходитъ Константинъ, въ брюкахъ, въ рубашкѣ и въ туфляхъ. Онъ молодой человѣкъ, двадцати четырехъ лѣтъ, плотно сложенный, краснощёкій, безъ всякой растительности. Говоритъ такъ, какъ будто бы постоянно сердится на что-то, вѣчно хмурый, недовольный. Ищетъ спички.)

Константинъ. Встали ужъ? Удивляюсь, что за охота такъ рано вставать?—У насъ во всемъ домѣ не найдешь спичекъ!

Ванюшинъ. Бока пролежишь, если будешь по-твоему вставать. (Константинъ уходитъ наверхъ за спичками.) Буди ты его. Спитъ до обѣда, позднѣе всѣхъ выходитъ въ магазинъ; стыдно, какъ по улицѣ идетъ... Всѣ замѣчаютъ.

Арина Ивановна. Читаетъ онъ долго; часа въ три-четыре ложится. Какъ глаза-то только видятъ.

Ванюшинъ. Смотритъ онъ въ книгу, да видитъ фигу. Ума-то не много. Не того я ждалъ отъ него,—

серьезный былъ мальчишка, а дѣльца въ немъ сейчасъ не видно. Не помощникъ онъ...

Арина Ивановна. На тебя не угодишь: и тотъ не хорошъ, и этотъ... а другимъ хорошъ. Вонъ, говорятъ, барышня Распопова—спитъ и видитъ за него замужъ выйти.

Ванюшинъ. А сколько за ней?

Арина Ивановна. Шестьдесятъ тысячъ, Прасковья глухая сказывала.

Ванюшинъ. Чай, вретъ твоя глухая.

Арина Ивановна. Ну, вотъ, зачѣмъ ей врать! У самой-то Распопихи — Прасковьюшка первый человѣкъ, каждый день бываетъ.

Ванюшинъ. Узнай про это лучше.

(Константинъ и за нимъ Акулина спускаются съ лѣстницы; Акулина беретъ самоваръ съ лежанки и уходитъ въ сѣни; Арина Ивановна — въ спальню.)

Константинъ. Вы, папаша, видѣли кассовую книгу? Я вчера въ гостиной на столѣ оставилъ, думалъ—увидите.

Ванюшинъ. Въ руки не могъ отдать? Забрался съ девяти часовъ въ свою комнату, не выходилъ...

Константинъ. Предоставьте мнѣ свободу распоряжаться самимъ собой хоть въ мелочахъ — про серьезное я ужъ не говорю—спать, гулять и ѣсть когда я хочу.

Ванюшинъ. Порядку въ домѣ не будетъ.

Константинъ. Ахъ, оставьте это! Подсчитайте лучше книгу.

Ванюшинъ. А ты что самъ-то не подсчитываешь? Смотри, зачитаешься—въ карманѣ не досчитаешься.

Константинъ. Будетъ вамъ! Вѣчно одно и то же... Въ этотъ мѣсяцъ торговали лучше сравнительно съ прошлымъ годомъ, навѣрно не знаю насколько.

Ванюшинъ. Правда ли?

Константинъ. Съ одной фабрики Спиридонова

получили тысячу шестьсотъ рублей по счету. Подсчитайте, это очень интересно.

Ванюшинъ. Если такъ, корабля ли надо! Гдѣ книга-то, ты говоришь? (Обрадованный сообщеніемъ сына, уходитъ черезъ переднюю въ гостиную.)

Константинъ (подходитъ къ двери своей комнаты и шепчетъ). Тс... Лена!.. Живо...

(Выбѣгаетъ дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ юбкѣ, въ ночной кофточкѣ, съ распущенными волосами и вбѣгаетъ на лѣстницу. У нея круглое лицо, вздернутый, расплывшійся носикъ, пухлыя губы и узкіе хитрые глаза. Говоря, она немного шепелявитъ и картавитъ.)

Лена (стоя на лѣстницѣ). Смотри, вечеромъ будь дома! (Дверь спальни отворяется.) Тетя...

(Константинъ скрывается въ своей комнатѣ. Выходитъ Арина Ивановна.)

Лена. А я, тетя, къ вамъ. Нѣтъ ли у васъ капель? Всю ночь не спала, животъ болѣлъ.

Арина Ивановна. Не знаю, Леночка, есть ли. (Отворяетъ буфетъ и ищетъ капли.) Вотъ какой-то пузырекъ.

Лена (беретъ пузырекъ и читаетъ надпись на немъ). Это гофманскія.

Арина Ивановна. Ну, ихъ и прими—помогаютъ. А вотъ Акулина подастъ самоваръ, я бутылку съ горячей водой пришлю къ тебѣ наверхъ. Положи на животъ: согрѣется—пройдетъ.

Лена. Спасибо, тетя. (Цѣлуетъ ее и уходитъ наверхъ.)

(Арина Ивановна достаетъ изъ буфета скатерть и посуду; приготовляетъ столъ. Спустя нѣкоторое время входитъ Акулина съ кипящимъ самоваромъ.)

Арина Ивановна. Достань-ка бутылку съ буфета. У Леночки животъ болитъ. (Завариваетъ чай).

(Акулина встаетъ на лежанку и съ большимъ трудомъ, привставъ на цыпочки, достаетъ бутылку.)

Арина Ивановна. Когда Алешенька пришелъ?

Акулина. Утромъ, недавно.

Арина Ивановна. Не пьяный?

Акулина. Кажется, навеселѣ.

Арина Ивановна (наливаетъ въ бутылку воды). На,

вотъ, отнеси. Скажи, чтобъ полотенцемъ обернула, да и приложила.

(Акулина идетъ. Входитъ Ванюшинъ.)

Ванюшинъ. Что это за бутылка?

Арина Ивановна. У Леночки животъ болитъ.

Ванюшинъ. Ѣстъ много дарового хлѣба. Отправить къ сестрѣ надо.

(Акулина уходитъ. Ванюшинъ, погруженный въ свои мысли, садится за столъ пить чай и говоритъ какъ бы про себя.)

Ванюшинъ. Вотъ балбесъ-то!

Арина Ивановна. Кого это ты ругаешь?

Ванюшинъ. Сынка́ старшаго.

Арина Ивановна. За что?

Ванюшинъ. Не выйдетъ изъ него проку... ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется. Лучше торговали! Все бы такъ лучше,—съ сумой пойдешь.

Арина Ивановна. Да полно тебѣ сокрушаться! Болѣзнь вѣдь отъ этого бываетъ.

Ванюшинъ (продолжаетъ думать вслухъ; глаза его наполняются слезами, но не теряютъ обыкновеннаго своего выраженія—суровости.) Тридцать лѣтъ ждалъ сына. Выросъ и... Дѣтки! Что имъ отецъ? Учились, да ничему, кромѣ фу-ты да ну-ты не выучились. Учить-то не стоило...

Арина Ивановна. Говорила я тебѣ...

Ванюшинъ. Ступай, старуха, молись.

Арина Ивановна. А ты и лба по утрамъ не перекрестишь! Только торго́вля на умѣ-то... Бога забылъ...

Ванюшинъ. А кормить-то васъ кто будетъ?

Арина Ивановна. Богъ прежде всего; безъ Его и дѣла плохи.

(Сверху сходитъ экономка Авдотья, бывшая няня младшихъ дѣтей Ванюшина. Она толстая, здоровая женщина, не старая, забравшая все домашнее хозяйство въ свои руки. Слабовольная Арина Ивановна подъ ея опекой и вліяніемъ.)

Ванюшинъ. Долго спишь, экономка.

Авдотья. Спится, такъ что не спать! (Вынимаетъ ключи изъ буфета отъ кладовой.) Что выдавать-то?

Ванюшинъ. Поросята тамъ есть.

Авдотья. Четыре осталось.

Ванюшинъ. Вѣдь я двадцать штукъ купилъ?

Авдотья. Молодцамъ три раза жарили.

Ванюшинъ. Поросятами ихъ не накормишь. Жирно будетъ.

Авдотья. Сами сказали, чтобы жарить имъ.

Ванюшинъ. Одинъ разъ сказалъ, а не три.

Авдотья. На васъ не угодишь! Все попрёки.

Арина Ивановна. Муки-то нѣтъ у насъ, Александръ Егоровичъ.

Ванюшинъ. Какъ муки нѣтъ? Да что вы лошадямъ, что ли, муку-то засыпаете?

Авдотья. По двору, вмѣсто песка, разсыпаемъ. Пятьдесятъ ртовъ приказчичьихъ... каждому по два фунта въ день,—мало ли на нихъ однихъ надо? Ужъ больно жрать горазды!

Ванюшинъ. А ты не давай. (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Принеси-ка сюртукъ изъ спальни.

(Арина Ивановна уходитъ и скоро возвращается съ сюртукомъ.)

Ванюшинъ. На книжку ни-ни-ни, не смѣйте брать! Вчера девятьсотъ заплатилъ... (Беретъ сюртукъ и достаетъ изъ бумажника шестьдесятъ рублей.) Купите, да храните хорошенько. (Отдаетъ деньги Аринѣ Ивановнѣ.)

Арина Ивановна. Что ужъ больно много, Александръ Егоровичъ? Лучше бы поменьше.

Ванюшинъ. Нельзя этого, старуха: меньше никогда не покупали, всѣ знаютъ на рынкѣ.

Авдотья. Само собой не идетъ.

Арина Ивановна. Ужотка пошлемъ. (Кладетъ деньги подъ скатерть на столѣ.)

Ванюшинъ. Гнѣдого въ телѣгу за мукой ѣхать чтобъ заложилъ... Надо прыть-то ему сбить.

Авдотья. Знаю. (Уходитъ въ сѣни.)

Арина Ивановна. Пойти домолиться. Все мѣшаютъ.

(Ванюшинъ погружается опять въ свои размышленія и пересчитываетъ деньги, находившіяся у него въ бумажникѣ. Наверху раздаются голоса Ани и Кати. Аня: Ты мою тетрадку взяла?—Катя: Не брала, вотъ пристала!—Аня: Я видѣла, какъ ты положила...)

Катя. Да нѣтъ же!

(Сходятъ въ столовую и цѣлуютъ руку у отца. Онѣ въ гимназическихъ платьяхъ и бѣлыхъ фартучкахъ; обѣ въ одномъ классѣ, въ 5-мъ, хотя Анѣ шестнадцать лѣтъ, а Катѣ пятнадцать. Аня — толстенькая шатенка, добрая, слабовольная, малоспособная учиться, большая трусиха: боится учителей и дурныхъ отмѣтокъ. Она похожа на мать и по характеру и по внѣшности. Катя—блондинка, грубѣ, не женственна и страшно неоткровенна — унаслѣдованная замкнутость отца. Въ ней много общаго съ старшимъ братомъ Константиномъ.)

Ванюшинъ. Что вы, стрекозы, сегодня рано?

Катя. У насъ первый—русскій языкъ, сочиненіе подавать.

Ванюшинъ. Чай, ужъ вы и сочинили! (Наливаетъ имъ чаю. Онѣ уходятъ въ спальню здороваться съ матерью и скоро возвращаются.)

Ванюшинъ. Такъ зачѣмъ же рано итти? Сочиненіе раньше начала урока не подаютъ. (Катя и Аня молча пьютъ чай, торопятся и обжигаются.) Что же вы молчите?

Катя. Намъ педагогистка обѣщалась ошибки поправить.

(Молчаніе.)

Ванюшинъ (обращается къ Анѣ). Фартукъ-то у тебя въ чернилахъ.

Аня. Гдѣ, папаша?

Ванюшинъ. Не видишь? Ослѣпла? Писака! (Аня чувствуетъ дурное настроеніе отца и скорѣе старается допить свой чай, чтобъ уйти.)

Ванюшинъ. Учить-то васъ, чортъ знаетъ, къ чему! Переводъ денегъ. (Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ, уходитъ въ спальню.)

Аня. Я у него денегъ просить не стану на книгу. Ты проси.

Катя. Я просила на той недѣлѣ,—твоя очередь.

Аня. Ни за что! Онъ на Костю сердится.

Катя. Нѣтъ, на Алешу.

Аня. А что Алеша сдѣлалъ?

Катя. Не знаю. Директоръ вызывалъ папашу.

Аня. Онъ влюбленъ. По ночамъ стихи пишетъ. Вотъ узнать бы, въ кого онъ влюбленъ.

Катя. Надо у него карточку изъ кармана вытащить, посмотрѣть.

Аня. Онъ тебѣ задастъ.

Катя. Не узнаетъ... Интересно!

(Входитъ Щеткинъ, чиновникъ изъ управы, двадцати девяти лѣтъ, щеголевато одѣтъ, въ золотыхъ очкахъ, маленькая бородка, большая лысина на головѣ. Онъ мягокъ и деликатенъ, „мамочка"—такъ часто называютъ такихъ людей; въ душѣ же хамъ и циникъ.)

Щеткинъ. Папаша не ушелъ?

Катя. Нѣтъ. Кажется, одѣвается.

Щеткинъ (у дверей спальни). Папаша, вы скоро? (Входитъ Арина Ивановна. Щеткинъ цѣлуетъ у нея руку.) Съ добрымъ утромъ, мамаша.

Арина Ивановна. Надо, что ли, на завтракъ?

Катя. Понятно, надо.

(Арина Ивановна даетъ Катѣ и Анѣ денегъ, и онѣ уходятъ въ гимназію, одѣвшись въ передней и взявъ книги.)

Арина Ивановна. Ужъ и не знаю, что дѣлается съ нимъ.

Щеткинъ. Съ кѣмъ?

Арина Ивановна. Съ отцомъ. Ночи не спитъ... Посовѣтовали бы ему къ доктору съѣздить.

Щеткинъ. Я ему прежде всего посовѣтую быть аккуратнѣе по отношенію близкихъ... Вы ему не говорили о деньгахъ?

Арина Ивановна. Нѣтъ.

Щеткинъ. Клавдинька просила васъ... Каждый мѣсяцъ одно и то же... Это скучно! Удивляюсь, какъ вы стали забывчивы.

Арина Ивановна. Я скажу.

Щеткинъ. Нѣтъ ужъ, я самъ скажу! Но только знайте, что это въ послѣдній разъ,—больше я не намѣренъ попрошайничать. Держите вы слово, нечего сказать! (Насильно смѣется, раздраженъ и озлобленъ.) Если бы не я, ваша дочь до сихъ поръ мозолила бы вамъ глаза. Этого не слѣдуетъ вамъ забывать.

Арина Ивановна. Ужъ полно! Клавдиньку за что же вы?

(Входитъ Ванюшинъ въ сюртукѣ и крахмальной сорочкѣ.)

Ванюшинъ. Что ты тутъ пѣтушишься?

Щеткинъ (цѣлуя руку Ванюшина). Съ добрымъ утромъ. Я къ вамъ... сегодня восьмое число.

Ванюшинъ. Ну что же, что восьмое?

Щеткинъ. Больше недѣли прошло послѣ перваго. Вы коммерческій человѣкъ, должны понимать, что значатъ для маленькаго человѣка во-время деньги.

Ванюшинъ. Какъ не понимать! Понимаю. Извините, Павелъ Сергѣевичъ, не приготовили, сдѣлайте милость.

Щеткинъ. У васъ никогда нѣтъ. Странно.

Ванюшинъ. Съ квартиры вытурю! Зазнался, дери тебя горой!

Щеткинъ. Ну, это вы пожалуйста! Всѣ знаютъ, что квартиру въ домѣ и пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ вы обязались платить мнѣ, и всѣ будутъ знать, какъ вы держите свое слово. Я не изъ тѣхъ зятьевъ, которыхъ можно дурачить, прошу это замѣтить. Въ управѣ и то всѣ удивляются...

Ванюшинъ. А ты не смѣй болтать! Получаешь вѣдь,—чего надо?

Щеткинъ. Какъ нищій каждый разъ выпрашиваешь.

Ванюшинъ. Будетъ! Возьми въ магазинѣ. (Надѣваетъ въ передней енотовую шубу и шапку и, подойдя къ лѣстницѣ, кричитъ.) Эй ты, гулёна, въ гимназію иди! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Гони Алешку-то!

Щеткинъ. Въ управѣ сегодня будете?

Ванюшинъ. Можетъ быть, не приду. Скажи головѣ, что заболѣлъ, молъ. (Уходитъ.)

Арина Ивановна. И зачѣмъ вы его разстраиваете? Пожалѣли бы.

Щеткинъ. Дудки! Одинъ мѣсяцъ спусти, другой, а потомъ и забудется. Это я знаю.

Арина Ивановна. Полно вамъ. (Слышенъ стукъ. Это стучитъ Клавдія изъ своей квартиры, помѣщающейся внизу.) Вонъ Клавдія зоветъ. Ступайте! (Обиженная уходитъ въ спальню.)

Щеткинъ. Должно быть, пирожки готовы. Прощайте. (Уходитъ.)

(Сцена нѣкоторое время пуста. Входитъ Авдотья, осматривается и, подойдя къ буфету, пьетъ водку. На лѣстницѣ появляется Алексѣй въ мундирѣ и съ ранцемъ.)

Алексѣй. А, нянюшка, попались!

Авдотья. Ключи затерялись.

Алексѣй. Такъ вы на днѣ четверти ихъ ищете? (Авдотья запираетъ буфетъ.) Постой... я тебя научу... Отецъ замѣчаетъ, что ты водку пьешь... такъ ты вотъ какъ... (наливаетъ рюмку и выпиваетъ)... выпьешь — и ставь ярлыкомъ бутылку къ стѣнѣ, — онъ всегда такъ ставитъ, и я такъ дѣлаю.

Авдотья. Хитрый... Гдѣ ночь-то сегодня шатался? Все, чай, по дѣвочкамъ?

Алексѣй. Съ твоей легкой руки.

Авдотья. А ты старое-то не вспоминай... не хорошо... старуха я совсѣмъ стала.

Алексѣй. Учительница!

Авдотья. Не вспоминай... Ишь у тебя волосики-то какъ стали виться... (Гладитъ его по головѣ.)

Алексѣй. Уйди! (Отталкиваетъ ее; Авдотья незамѣтно пропадаетъ изъ комнаты, чувствуя себя пристыженной и виноватой передъ Алёшей. Онъ садится за столъ пить чай; чѣмъ-то очень разстроенъ, озабоченъ и нервенъ; часто хватается за голову и сжимаетъ пальцы, ходитъ, садится и встаетъ, повидимому что-то вспоминаетъ и увлекается. Вынимаетъ изъ кармана фотографическую карточку женщины,

цѣлуетъ, долго смотритъ на нее; по лицу пробѣгаютъ ласковыя улыбки. Онъ вдохновляется, въ головѣ его проносятся нѣсколько строкъ стихотворенія.)

Алексѣй. Солнышко!.. (Достаетъ изъ ранца карандашъ и пишетъ на оборотной сторонѣ карточки, вслухъ повторяя написанное.)

Солнышко, радость нежданная,
Моя дорогая, желанная,
Вижу тебя наяву,—
Вотъ ты предо мной воплощаешься,
Мягкой улыбкой ты мнѣ улыбаешься,—
Вмѣстѣ съ тобой я живу!..

(Входитъ Арина Ивановна. Алеша прячетъ карточку въ карманъ.)

Арина Ивановна. И не зайдешь къ матери поздороваться.

Алексѣй. Простите, мамаша... я зашелъ бы послѣ.

(Пауза. Алеша пьетъ чай; Арина Ивановна садится противъ него, съ сожалѣніемъ смотритъ и укоризненно качаетъ головой.)

Арина Ивановна. Алеша, что мнѣ дѣлать-то съ тобой? Отецъ-то какъ убивается... Зачѣмъ ты такъ-то?..

Алексѣй. Ничего я вамъ не могу сказать.

Арина Ивановна. Вотъ сегодня опять ночь-то прогулялъ.

Алексѣй. Ну что же изъ этого? И буду... хочу... Оставьте!

(Арина Ивановна плачетъ.)

Арина Ивановна. И въ кого ты такой? Всѣ у насъ тихіе и смиренные...

Алексѣй. При отцѣ... а за пазухой ножи у всѣхъ... противно дома жить.

Арина Ивановна. Богъ съ тобой, Алешенька, что ты матери какъ говоришь?

Алексѣй. А вы оставьте. (Пауза. Алексѣй хочетъ что-то сказать, но ему стыдно; онъ долго не рѣшается и, наконецъ, съ напускною развязностью говоритъ.) Мамаша, мнѣ нужны деньги.

Арина Ивановна. Опять деньги! Какъ же это такъ, Алешенька? Гдѣ я возьму? Самъ знаешь, три рубля вчера у Авдотьи заняла, тебѣ дала.

Алексѣй. Мнѣ не три рубля надо... двадцать пять рублей надо.

Арина Ивановна. Господи! На что это тебѣ?

Алексѣй. Нужно, очень нужно... Если вы не найдете, я, можетъ быть... Вы меня простите, я знаю, что я подлецъ, но если бы вы могли понять... (Сдерживаетъ слезы.)

Арина Ивановна. Да гдѣ взять-то? (Думаетъ.) Клавдинька не дастъ... У ней есть въ копилкѣ...

Алексѣй. Ну, вотъ и возьмите ихъ.

Арина Ивановна. Не дастъ. Господи, что же это такое? Ты хоть Богу помолился бы... Мысли у тебя не того... Ты подумай о себѣ-то, подумай.

Алексѣй. Я много думалъ.

Арина Ивановна. Чего же тебѣ недостаетъ?

Алексѣй. Жизни... Все мнѣ опротивѣло—и здѣсь и въ гимназіи! (Случайно рукой приподнимаетъ скатерть на столѣ и видитъ деньги, положенныя Ариной Ивановной.)

Арина Ивановна. Вотъ есть у меня пять рублей, на златоусты приготовленные. Дать, что ли?

Алексѣй. Дайте.

(Арина Ивановна уходитъ. Алексѣй смотритъ на деньги и думаетъ, взять ихъ или нѣтъ? Пауза. Смѣло схватываетъ деньги, быстро прячетъ ихъ въ карманъ, бѣжитъ въ переднюю, схватываетъ пальто и фуражку и выбѣгаетъ въ сѣни. Въ фонарѣ сталкивается съ Авдотьей. Авдотья подходитъ къ двери спальни и пріотворяетъ ее.)

Авдотья. Заложили... на базаръ посылать пора.

(Арина Ивановна выходитъ изъ спальни и виновато прячетъ деньги въ карманъ.)

Арина Ивановна. А Алешенька гдѣ?

Авдотья. Ушелъ ужъ сынокъ ненаглядный.

Арина Ивановна. Ушелъ... Что же онъ такъ скоро? На завтракъ пятачокъ хотѣла ему дать.

Авдотья. Чай, ужъ и пятачокъ! Давайте, что ли, деньги на базаръ.

(Арина Ивановна подходитъ къ столу и ищетъ деньги.)

Арина Ивановна. Гдѣ же это онѣ? Подъ скатерть положила. Ты не брала?

Авдотья. Нѣтъ.

Арина Ивановна. Что же это такое? Господи! Акулину надо спросить.

Авдотья. Она бѣлье катаетъ, въ комнаты не входила.

Арина Ивановна. Батюшки! Неужели Алешенька? Какъ же это онъ? Да это не онъ.

Авдотья. А кто же? Не кошка съѣла.

Арина Ивановна. Авдотьюшка, что же это будетъ? Батюшки, вотъ грѣхъ-то! (Совершенно растерялась, схватываетъ кочергу у лежанки и стучитъ ею въ полъ, вызывая этимъ Клавдію.)

Авдотья. Вы бы побольше его баловали; не до этого доживете,—убьетъ.

Арина Ивановна. Да полно тебѣ, полно. Ты у меня нишкни. Александру Егорычу и не заикайся.

Авдотья. Узнаетъ. Безъ муки-то не просидишь.

Арина Ивановна. Безъ денегъ возьмемъ.

Авдотья. Не отпустятъ. Чай, слышали, что самъ-то приказалъ?

Арина Ивановна. Батюшки, какъ же это быть-то, Авдотьюшка? Грѣхъ-то, грѣхъ какой! Алешенька-то что сдѣлалъ! (Всплескиваетъ руками и опускается на стулъ.)

(Входитъ Клавдія, она немного горбатая и кривобокая, сухая, рыжая, съ веснушками на лицѣ. Часто куритъ, въ рукахъ у нея папироска. Трудно опредѣлить, сколько ей лѣтъ. Пять лѣтъ замужества состарили и искалѣчили эту женщину.)

Арина Ивановна. Клавдинька, бѣда-то какая!

Клавдія (цѣлуя руку матери). У васъ каждый день бѣда. Павлика какъ разстроили... у него желчь можетъ разлиться.

Арина Ивановна. Алешенька-то что сдѣлалъ! Грѣхъ-то какой!

Клавдія. Вы все со своимъ Алешенькой,—до другихъ вамъ и дѣла нѣтъ.

Арина Ивановна. Деньги вѣдь взялъ... шестьдесятъ рублей! Отецъ на муку оставилъ. Какъ быть-то, Клавдинька? Ума не приложу.

Клавдія. Какъ же онъ смѣлъ? Негодный мальчишка!

Арина Ивановна. Боюсь, чтобъ отецъ не узналъ... бѣда будетъ.

Авдотья. А вы больше покрывайте,—онъ и не то украдётъ.

Арина Ивановна. Молчи ты! Выручай, Клавдинька... Дай... Ужъ я какъ-нибудь сколочу, тебѣ отдамъ.

Клавдія. Да гдѣ же я ихъ возьму вамъ? Какъ это вы странно, мамаша...

Арина Ивановна. Въ копилкѣ-то у тебя, быть можетъ, найдется?

Клавдія. Это дѣтскія деньги,—сами знаете, развѣ ихъ можно взять?

Авдотья. А вы у старшаго сынка попросите.

Арина Ивановна. Не дастъ. Да у него, чай, у самого-то нѣтъ. Боюсь я ему сказать... Клавдинька, какъ же быть?

Клавдія. Вы мать, а боитесь... Погодите, онъ васъ еще не такъ въ руки заберетъ. Вотъ папашѣ наговариваетъ, чтобы намъ мѣсячныя деньги не выдавать. А еще братъ! Павлика не любитъ... а Павликъ правъ, онъ всегда правъ. Онъ имѣетъ право требовать, это я всѣмъ въ глаза скажу,—у насъ дѣти...

Арина Ивановна. Да погоди ты! Кажется, идетъ... Грѣха съ тобой наживешь.

(Входитъ Константинъ. На немъ красивый, хорошо сшитый костюмъ, волосы немного завиты. Онъ вообще обращаетъ большое вниманіе на свою внѣшность. Войдя, онъ садится къ чайному столу и, раздражаясь, скидываетъ крошки хлѣба со стола.)

Константинъ. Постоянно хлѣвъ! Прилично дома нельзя напиться чаю: ни сыру, ни масла...

(Арина Ивановна наливаетъ ему стаканъ чаю.)

Арина Ивановна. Купимъ сегодня. (Хочетъ сказать ему о деньгахъ, но не рѣшается и боится.) Расходы, Костенька, большіе.

Константинъ. Вотъ въ этомъ-то и горе!.. Расходы большіе, а въ каждой чиновнической семьѣ приличнѣе, чѣмъ у насъ.

(Пауза. Константинъ смотритъ на Авдотью, и ея присутствіе раздражаетъ его.)

Константинъ (обращается къ Авдотьѣ). Что вамъ здѣсь нужно? Идите! (Авдотья уходитъ.) У насъ кучера и кухарки скоро будутъ вмѣстѣ за столъ садиться.

Клавдія. Она вѣдь нянька, сестеръ выняньчила.

Константинъ. Какъ это глупо!

Клавдія. Да ужъ гдѣ намъ!

Константинъ. Мужъ опять приходилъ, егозилъ передъ отцомъ. Удивительно, какъ людямъ не стыдно!

Клавдія. Не твое дѣло. Павликъ имѣетъ право.

Константинъ. Это скучно... Вѣчно одно и то же! Ваше право—палка о двухъ концахъ. Съ утра отравляютъ день! (Раздраженный встаетъ изъ-за стола и, не допивъ стакана чаю, идетъ въ переднюю, надѣваетъ шинель и цилиндръ. Когда онъ, одѣтый, проходитъ въ столовую, Арина Ивановна робко и чуть не плача, начинаетъ говорить ему о деньгахъ.)

Арина Ивановна. Костенька...

Константинъ. Что такое? Что вамъ еще нужно?

Арина Ивановна. Грѣхъ-то у меня какой случился! Деньги папаша на базаръ оставилъ, а ихъ кто-то взялъ.

Константинъ. Ну, такъ что же? Мнѣ-то что за дѣло? Вы скоро самихъ себя потеряете.

Арина Ивановна. Да какъ же мнѣ быть? Папашѣ нельзя сказать, самъ знаешь.

Константинъ. Кто же ихъ взялъ — Акулина или Авдотья?

Арина Ивановна. Нѣтъ, нѣтъ, Костенька, не онѣ... боюсь, что не Алешенька,—тутъ онъ былъ.

Константинъ. Подлецъ! (Хочетъ итти.)

Арина Ивановна. Что же ты мнѣ ничего не скажешь?

Константинъ. Чего же сказать? Не хочу я даже вмѣшиваться въ эту исторію. Сами виноваты.

Арина Ивановна. Нѣтъ ли у тебя?

Константинъ. Ахъ, оставьте! (Уходитъ.)

Клавдія. Сынокъ—нечего говорить! Не дай Богъ, умретъ папаша, какъ липокъ отдѣлаетъ; ни жалости, ни любви въ немъ,—каменный какой-то...

Арина Ивановна. И не говори... Какъ же, Клавдинька, дашь что ли? Накоплю я... полотна, скажу самому-то, купила,—вотъ тебѣ двадцать пять рублей и будетъ.

Клавдія. Восемьдесятъ пять отдадите?

Арина Ивановна. Сто отдамъ, только дай.

Клавдія. Я все-таки спрошу Павлика. А сейчасъ пока немного купите муки.

Арина Ивановна. Надо такъ сдѣлать. Хочешь чаю, что-ли?

Клавдія. Выпью чашечку. (Обѣ пьютъ чай.)

Арина Ивановна. На Распоповой хочется отцу-то женить Костеньку. Велѣлъ узнать, сколько за ней денегъ. Она барышня ничего... у обѣдни каждое воскресенье бываетъ, такъ смиренно стоитъ...

Клавдія. Не женится онъ на ней... содержанку-то куда дѣнетъ?

Арина Ивановна. А ты не болтай вздоръ!

Клавдія. Павликъ еще не то про него знаетъ.

Арина Ивановна. Не болтай! Онъ и такъ говоритъ, что мужъ твой все про него выдумываетъ,—поругаются они. А Распопова барышня ему подходящая.

Клавдія. Онъ ей только и нравится, а другія-то всѣ терпѣть его не могутъ. Онъ разговаривать съ барышнями не умѣетъ, все фыркаетъ.

Арина Ивановна. Ну, вотъ тебѣ—такой королевичъ, да не умѣетъ! Гимназію кончилъ.

(Вбѣгаетъ взволнованная Авдотья.)

Авдотья. Матушка, Арина Ивановна, дочка вернулась.

(Арина Ивановна обрадовалась и растерялась.)

Арина Ивановна. Людмилочка?.. Зачѣмъ это она?

Авдотья. Съ вокзала сейчасъ.

Арина Ивановна. Господи! Что это съ ней? Не писала ничего.

(Входитъ Людмила. Въ рукахъ у нея небольшой дорожный чемоданъ и подушка. Она красивая женщина, двадцати семи лѣтъ, но въ настоящій моментъ утомленная и растрепанная. Войдя въ столовую, она останавливается у порога двери и отъ волненія не можетъ говорить; чемоданъ вываливается изъ ея рукъ. Арина Ивановна чувствуетъ, что съ дочерью произошло какое-то несчастіе, кидается къ ней, обнимаетъ ее. Клавдія, видя, что Людмила съ трудомъ держится на ногахъ, усаживаетъ ее на стулъ. Людмила цѣлуетъ руки матери и, сдерживая слезы, испуганно взглядываетъ иногда на входную дверь и ждетъ чего-то страшнаго.)

Людмила. Я сейчасъ уѣду... Я думала, что это легче...

Клавдія (тихо). Что съ тобой?

Людмила. Не могу... я уѣду!.. (Рыдая, прижимается къ матери.) Мамаша, онъ видѣлъ, какъ я подъѣхала... стоялъ у магазина... сейчасъ придетъ.

Арина Ивановна (робко). Людмилочка, зачѣмъ ты пріѣхала?

Людмила. Не могу я съ нимъ жить—не человѣкъ онъ... Если бы вы знали...

Арина Ивановна. Мужъ вѣдь онъ тебѣ...

Людмила. Съ нимъ нельзя жить.

(Въ фонарѣ появляется Ванюшинъ. Авдотья первая видитъ.)

Авдотья. Самъ... (Быстро скрывается въ переднюю).

(Людмила вскакиваетъ со стула и дѣлаетъ движеніе бѣжать. Ванюшинъ входитъ въ шубѣ и шапкѣ; сильно взволнованъ и встревоженъ).

Ванюшинъ. Зачѣмъ ты?

Людмила (падаетъ къ его ногамъ). Не гоните меня. Я къ вамъ пріѣхала.

Ванюшинъ. Постой... (Приподнимаетъ ее.) Что ты, обезумѣла? Разскажи все толкомъ.

Людмила. Я бросила мужа... тихонько убѣжала. Онъ заперъ меня, билъ. Я не могла...

Ванюшинъ. За что же? Какъ онъ смѣлъ?

Людмила. Тогда... послѣ свадьбы... какъ поѣздъ отошелъ, пришли мы въ вагонъ, и онъ сталъ требовать денегъ... Я сказала, что вы мнѣ ничего не дали... только на карманные расходы двадцать пять рублей... Ушелъ, не приходилъ всю ночь, и цѣлую недѣлю мучилъ меня и издѣвался.

Ванюшинъ (тяжело дыша, опускается на стулъ и задумывается). Здѣсь что-то не такъ... Я ему русскимъ языкомъ говорилъ, что денегъ за тобой нѣтъ... Какъ же онъ смѣлъ?

Людмила. Пьяница онъ: и ночью и днемъ пьетъ; ничего не понимаетъ.—Папаша, зачѣмъ вы хвалили его? Отдали меня? Кому же я могла вѣрить, какъ не вамъ?

Ванюшинъ. Не то, не то тутъ. (Испытующе смотритъ на дочь. Увѣряется въ своей догадкѣ, лицо его багровѣетъ; ноздри широко раздуваются и нахмуриваются брови. Ударяетъ кулакомъ по столу.) Людмила, говори правду!

Арина Ивановна (испуганно). Александръ Егоровичъ...

Ванюшинъ. Говори! Не станетъ онъ ни съ того ни съ сего обижать, — не такой парень... Все равно узнаю...

(Людмила молчитъ.)

Ванюшинъ. Правда, что ли?

Людмила. Я уйду... Нѣтъ у васъ жалости... Вѣдь отъ вашихъ взглядовъ да попрековъ за перваго встрѣчнаго выскочила. Васъ же хотѣла облегчить, отъ себя избавить. Ахъ, да что говорить!.. (Хочетъ итти.)

Арина Ивановна. Людмилочка, куда ты?—Что ты съ дочерью-то дѣлаешь, Александръ Егоровичъ?

Ванюшинъ. Постой... Живи пока. Только на глаза мнѣ рѣже показывайся. Опозорила, осрамила старика! Старуха, до какого сраму мы съ тобой дожили! Недѣ-

лю тому назадъ дочку обвѣнчали, а она—на тебѣ! Дѣтки, дѣтки! (Схватывается руками за голову.) Этого-ли я ждалъ отъ васъ? За людьми лѣзъ, дураковъ слушалъ,—училъ... научилъ на свою голову. Да еще говоритъ, во мнѣ жалости нѣтъ! Да кабы я зналъ, что ты такая,—кухаркой бы сдѣлалъ, а замужъ не выдалъ, не опозорилъ бы себя. Какъ я теперь по улицѣ-то пойду, на людей смотрѣть буду? Какъ мнѣ теперь на людей-то смотрѣть? Скажи мнѣ!

Людмила. Уйду я, да и все... куда глаза глядятъ уйду...

Ванюшинъ. Не дѣло... Слушай! Въ гости ко мнѣ ты пріѣхала... и сиди, на улицу не показывайся, а тамъ, можетъ быть, какъ-нибудь... Не ждалъ я, Людмила, отъ тебя, не ждалъ. (Сдерживая навертывающіяся на глаза слезы, выходитъ изъ столовой въ переднюю.)

Арина Ивановна. Клавдинька, пойдемъ за нимъ. Ужъ больно онъ разстроился. Одна-то я боюсь.

Клавдія. Пойдемте. (Уходятъ за Ванюшинымъ.)

(Людмила чувствуетъ себя лучше: самое страшное, чего она такъ боялась, прошло. Она беретъ чемоданъ и ищетъ въ немъ зеркало. Входитъ Авдотья.)

Авдотья. Ничего... Это ли бываетъ... Снимайте шубку-то. То ли еще бываетъ. Обойдётся. Я виды-то видала. (Помогаетъ Людмилѣ раздѣться.) Опять въ дѣвичьей комнатѣ съ Леночкой поживете. Раньше двѣнадцати она у насъ послѣ васъ и не встаетъ... барышню разыгрываетъ.

(Входитъ Щеткинъ. Сначала не видитъ Людмилы и обращается къ Авдотьѣ. Онъ въ мѣховомъ пальто и шапкѣ.)

Щеткинъ. Папаша дома, что ли? Нигдѣ не найдешь. (Видитъ Людмилу.) Людмила Александровна! Вы здѣсь?

Людмила. Да, здѣсь.

Щеткинъ. Не вѣрю глазамъ.

Людмила. Повѣрьте.

(Авдотья съ шубой Людмилы выходитъ въ переднюю и больше не возвращается.)

Людмила (осматривается и видитъ, что никого въ комнатѣ нѣтъ). Спасибо вамъ!

Щеткинъ. Объясните...

Людмила. Смотрѣть на васъ не могу.

Щеткинъ. Неужели прогналъ? Мерзавецъ! Замоскворѣцкій дикарь! Не ждалъ...

Людмила. Не ждалъ?

Щеткинъ. Ждалъ, но не такого скандала. Я предупреждалъ, что придется пережить очень непріятныя минуты...

Людмила. А вамъ все, какъ съ гуся вода...

Щеткинъ. Но, Людмила... развѣ былъ другой выходъ? Мало ль мы думали? Скажите... (Входитъ Клавдія.)

Клавдія. Ты зачѣмъ?

Щеткинъ. За папашей. Въ управѣ нуженъ; голова просилъ его хоть на минуту пріѣхать.

Клавдія. Онъ въ кабинетѣ.

Щеткинъ. Авось вытащу. (Уходитъ.)

Клавдія. Иди скорѣе наверхъ. Да совѣтую тебѣ дня два не показываться отцу. Скорѣе, а то встрѣтитесь...

Людмила. Лучше не встрѣчаться. (Идетъ по лѣстницѣ.) Опять вверхъ... Опять этотъ гробъ!..

Клавдія. Иди скорѣе. Кажется, идутъ... Никогда и ничего, сестра, не проходитъ даромъ.

(Людмила останавливается на лѣстницѣ и, пораженная словами сестры, смотритъ на нее и тихо говоритъ.)

Людмила. Ты все знаешь?

Клавдія (показываетъ на волосы). Сѣдая стала.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Приготовленъ обѣденный столъ для всей семьи Ванюшина. Сервировка простая; груды чернаго и бѣлаго хлѣба; огромные графины съ домашними квасомъ и пивомъ. Леночка возвращается съ прогулки. На ней

мѣховая кофточка и шапочка. Въ то время, какъ она входитъ въ столовую и, не раздѣваясь, проходитъ наверхъ, Катя и Аня выглядываютъ изъ передней. Въ рукахъ Кати небольшая шкатулочка, принадлежащая Леночкѣ, съ секретными бумагами и вещами.

Катя (выглянувъ изъ передней). Она!

(Леночка проходитъ наверхъ; Катя и Аня появляются въ дверяхъ.)

Катя. Какъ же быть?

Аня. Говорила я тебѣ, что она скоро придетъ.

Катя. Давай спрячемъ куда-нибудь и скажемъ, что мы не брали.

Аня. Куда?

Катя. Подъ лѣстницу.

Аня. А вдругъ кто-нибудь найдетъ.

Катя. Ну, вотъ! Потомъ мы ей въ комнату подкинемъ, да и все. (Отворяетъ дверку комнаты подъ лѣстницей и входитъ въ нее, чтобы спрятать шкатулку. На лѣстницѣ показывается взволнованная Леночка, еще не успѣвшая раздѣться.)

Аня. Идётъ... (Растерявшаяся Катя выскакиваетъ изъ-подъ лѣстницы и со шкатулкой въ рукахъ бѣжитъ черезъ переднюю въ другія смежныя комнаты; Леночка бѣжитъ за ней.)

Леночка. Какъ вы смѣли? Негодныя дѣвчонки!

(Дергаетъ за рукавъ Аню и бѣжитъ за Катей; черезъ нѣкоторое время Катя снова вбѣгаетъ въ столовую и прячется подъ лѣстницей; Леночка за ней; она старается отворить дверку, но Катя ее крѣпко держитъ.)

Леночка. Отдай шкатулку! Я дядѣ скажу.

Катя (за дверью). Не смѣешь.

(Послѣ нѣкоторой борьбы Леночкѣ удается отворить дверь. Катя бросаетъ шкатулку на полъ, и изъ нея вываливаются письма и разныя бумаги. Леночка старается ихъ собрать, но это ей отъ волненія плохо удается.)

Катя. Возьми! Мы теперь все равно все знаемъ.

Леночка. Ничего вы не знаете.

Катя (дразнитъ ее). Знаемъ, знаемъ... мы прочли...

Леночка. И не стыдно вамъ читать чужія письма?

Катя. Мы не письма, мы дневникъ прочли... Знаемъ, знаемъ... (Хлопаетъ въ ладоши и скачетъ съ ноги на ногу.)

Леночка. Безстыдница!

Аня (серьезно и съ глубокимъ укоромъ). Это ты безстыдница! Тебя, какъ бѣдную родственницу, папаша содержитъ, кормитъ, а ты... Тебѣ должно быть стыдно. (Сдерживая слезы.) Ты нехорошая!

(Леночка сконфужена, чувствуетъ себя неловко.)

Аня. Костя, старшій братъ, онъ не долженъ такъ себя вести.

Леночка. Надо все знать, Аня, чтобы такъ говорить... Ты молода и не тебѣ судить. Я, можетъ быть, и очень несчастная... я бѣдная...

Аня (тронута слезами Леночки). Мы, Леночка, вѣдь никому не скажемъ. Не скажемъ вѣдь, Катя?

Леночка. Дайте мнѣ слово. Я вамъ все, все разскажу... (Обращаясь къ Анѣ.) Даешь?

Аня. Мы никому, ей-Богу, никому не скажемъ.

(Леночка цѣлуетъ Аню и Катю.)

Катя. А ты Костѣ не говори. Онъ сердиться на насъ будетъ. Не скажешь?

Леночка. Не скажу. Да онъ и не знаетъ, что у меня дневникъ есть.

Катя. Не знаетъ? А я на твоемъ мѣстѣ все говорила бы ему.

Леночка. Этого нельзя. Мужчинамъ не надо все говорить.

Катя. Почему же? Леночка, скажи, почему?

(Въ фонарѣ появляется Ванюшинъ.)

Катя. Папаша! (Быстро вбѣгаетъ по лѣстницѣ, за ней Аня и Леночка.)

(Входитъ Ванюшинъ и проходитъ въ переднюю, раздѣвается и уходитъ въ другія комнаты. Сверху сходятъ Авдотья и Акулина.)

Авдотья. Иди за супомъ. Самъ пришелъ. (Осматриваетъ приготовленный столъ.) Все ли въ порядкѣ?

Акулина. Скатерть грязная.

Авдотья. Сегодня не воскресенье, ладно. Щеткинымъ-то есть приборы?

Акулина. Накрыла.

Авдотья. Придутъ, чай, и сегодня. Рѣдкій день не

ходятъ. (Считаетъ приборы.) Да не хватаетъ одного прибора. Эхъ, ты, считалка! Иди ужъ за супомъ, я сама приготовлю.

(Акулина уходитъ. Авдотья приготавливаетъ приборъ. Входитъ Константинъ. Леночка, ожидавшая и слѣдившая сверху, когда онъ придетъ, сходитъ съ лѣстницы и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ въ переднюю, гдѣ тихо и разсказываетъ ему о поступкѣ Кати и Ани; когда Авдотья выходитъ въ сѣни, Леночка и Константинъ входятъ въ столовую.)

Константинъ. Глупо!.. Писать не умѣешь, да какіе-то тамъ дневники завела... Сожги.

Леночка. Я, Костенька...

Константинъ (шепелявитъ и передразниваетъ ее). Я, Костенька... Сожги. А съ ними будь поласковѣе, не ссорься. Чортъ знаетъ, что такое!

Леночка. Не сердись.

Константинъ. Это хоть кого взбѣситъ! Уѣхать тебѣ надо на время.

Леночка. Ну, нѣтъ, я не поѣду.

Константинъ. Послѣ поговоримъ.

(Акулина вноситъ огромную миску съ супомъ.)

Константинъ (крича). Папаша, что вы тамъ? Я ѣсть хочу. (Садится за столъ.) Безобразіе! Не достаетъ, чтобы ѣли изъ одной плошки!

(Входятъ Ванюшинъ и Арина Ивановна. Ванюшинъ въ недурномъ настроеніи духа, но на него дѣйствуетъ хмурый и недовольный Константинъ, и скоро онъ самъ становится мраченъ.)

Ванюшинъ (обращается къ стоящей у буфета Леночкѣ). Что носъ-то, сычъ, повѣсила?

Леночка. Такъ, дядя... Я не повѣсила.

Ванюшинъ (кричитъ, подойдя къ лѣстницѣ). Эй, вы, вшивая команда, обѣдать!

(Всѣ садятся за столъ. Сверху сходятъ Аня и Катя. Онѣ держатъ себя натянуто и принужденно. Ванюшинъ разливаетъ супъ, каждый подставляетъ свою тарелку и ждетъ очереди.)

Ванюшинъ. А Людмила гдѣ?

Арина Ивановна. Вонъ она.

(Людмила сходитъ съ лѣстницы; она очень дурно себя чувствуетъ и присутствуетъ за обѣдомъ только по необходимости.)

Ванюшинъ (обращаясь къ Людмилѣ). Давай тарелку. (Къ Анѣ.) Погоди, скороспѣлка! (Наливаетъ сначала Людмилѣ, потомъ Анѣ.) А что, „нижнихъ“ нѣтъ? (Обращается къ Катѣ.) Постучи имъ. (Катя кочергой стучитъ въ полъ.)

Константинъ. Какъ будто бы безъ нихъ нельзя.

Ванюшинъ. А тебѣ жалко?

Константинъ. Не жалко, а только странно,—ни одного обѣда безъ нихъ.

Арина Ивановна. Они ужъ три дня не обѣдали.

Константинъ. Надо на стѣнѣ записать.

Ванюшинъ (обращается къ Анѣ). Ѣшь хорошенько. Чего выбираешь, ковырялка?

Аня. Я морковь не люблю.

Ванюшинъ. Ѣшь все.

(Молча продолжаютъ ѣсть. Входятъ Щеткины.)

Щеткинъ. А мы только что сѣли за столъ съ Клавдюшей.

Клавдія. У насъ сегодня индѣйка.

Ванюшинъ. Садитесь. Жареная индѣйка не убѣжитъ.

(Щеткины садятся.)

Щеткинъ. Опять супъ изъ потроховъ?

Ванюшинъ. Изъ потроховъ. А ты не любишь?

Щеткинъ. Такъ себѣ. Какая любовь можетъ быть къ кушаньямъ. Мнѣ всегда кажется смѣшнымъ, когда говорятъ: люблю гуся, простоквашу. Забавно!

Клавдія. А самъ очень часто говоришь такъ. Любишь солонину съ хрѣномъ.

Щеткинъ. Мнѣ нравится, а солонину я любить не могу.

Ванюшинъ. А ты ѣшь, супъ-то простынетъ.

(Молча всѣ ѣдятъ.)

Катя. Папаша, у насъ классная дама ушла.

Ванюшинъ. Ѣшь. Какая тамъ дама! (Смотритъ на Людмилу и, понимая ея настроеніе, хочетъ ее ободрить, сказать ей что либо ласковое.) Ты что, вдова, женишься?

(Обиженная Людмила выходитъ изъ-за стола.)

Арина Ивановна. Куда же ты, Людмилочка? Папаша вѣдь пошутилъ.

Константинъ. Такъ не шутятъ. (Обращаясь къ отцу.) Безтактно!

Ванюшинъ. Садись. Отцу-то пошутить нельзя? (Людмила садится.) Пальцемъ до васъ не дотронься.

Константинъ. Вы бревномъ тычете.

Щеткинъ. Есть за папашей этотъ грѣшокъ. (Обращаясь къ Константину.) Наконецъ-то мы съ вами хоть въ одномъ сошлись...

Константинъ. Очень сожалѣю.

Леночка. Полно, Костенька!

(Входитъ Алексѣй съ напускною развязностью. Онъ съ утра бродилъ по улицамъ города и думалъ, какъ сообщить дома о своемъ увольненіи изъ гимназіи. И вотъ теперь, утомленный, онъ входитъ въ столовую, пересиливъ стыдъ и рѣшившись на все; раздѣвается въ передней и съ ранцемъ въ рукахъ идетъ и останавливается на лѣстницѣ.)

Арина Ивановна. Алешенька, куда же ты?

Алексѣй. Папаша, меня выгнали изъ гимназіи.

Всѣ. Что?

Алексѣй. Меня выгнали изъ гимназіи.

Ванюшинъ. Дождался!.. (Бросаетъ въ него ложкой и не попадаетъ.) Ахъ, ты..! (Кидается за нимъ. Алексѣй вбѣгаетъ наверхъ. Ванюшинъ догоняетъ его и, спотыкаясь на лѣстницѣ, убѣгаетъ за нимъ. Изъ-за стола всѣ встали. Аня и Леночка хотѣли было бѣжать наверхъ, но остановились на лѣстницѣ. Всѣ чего-то ждутъ и прислушиваются. Сверху слышенъ голосъ Алексѣя: „Оставьте! Я не позволю, не позволю!“ Падаетъ что-то тяжелое, должно быть стулъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣй показывается на лѣстницѣ. Волосы его растрепаны; отъ мундира оторвались нѣсколько пуговицъ.)

Алексѣй. Бить? Никогда! Ни за что! (Вбѣгаетъ въ переднюю, схватываетъ пальто. Ванюшинъ стоитъ на верху лѣстницы и держится за перила. Отъ волненія онъ съ трудомъ можетъ говорить.)

Ванюшинъ. Не давайте пальто, не давайте!

(Алексѣй бросаетъ пальто на полъ.)

Алексѣй. Не надо... Не давайте! (Выбѣгаетъ въ сѣни, за нимъ Аня и Арина Ивановна. Ванюшинъ держится за перила и, шатаясь, спускается съ лѣстницы. Леночка его поддерживаетъ и уводитъ.)

Клавдія. Куда онъ побѣгъ?

Людмила (съ безпокойствомъ). Какъ бы надъ собой онъ чего не сдѣлалъ... Also might kill himself

Константинъ. Ничего не будетъ.

Клавдія (обращаясь къ мужу). Павликъ, ты пошелъ бы...

Щеткинъ. Ну вотъ еще! Онъ какъ звѣрь.

(Аня и Арина Ивановна возвращаются.)

Арина Ивановна. Напротивъ убѣжалъ, къ Араповымъ.

(Аня беретъ пальто и фуражку Алексѣя.)

Аня. Я съ Акулиной пошлю ему. (Уходитъ въ сѣни.)

Арина Ивановна. Гдѣ самъ-то? Что съ нимъ? (Уходитъ.)

Щеткинъ. Я всегда говорилъ, что онъ что-нибудь выкинетъ. Оболтусъ! fool

Константинъ. Дуракъ. Я знаю, за что его выгнали. Предупреждалъ его, такъ нѣтъ. Влюбился, потерялъ голову.

Клавдія. Ужъ что онъ только не продѣлывалъ! А, говорятъ, дрянь какая-то, хористка изъ театра. foolish

Щеткинъ. Я видѣлъ его третьяго дня съ ней на извозчикѣ.

(Входитъ Аня.)

Константинъ. По нѣсколько дней въ гимназіи не бывалъ,—у нея сидѣлъ.

Людмила (обращаясь къ Константину). А ты бы вотъ къ ней поѣхалъ, да и отчиталъ бы ее хорошенько. Вѣдь это подло съ ея стороны.

Константинъ. Былъ... Взялъ у нея пятьдесятъ рублей. (got back)

Клавдія. Такъ это онъ для нея укралъ. Ты что же ихъ мамашѣ-то не отдалъ?

Константинъ. Не твое дѣло—отдамъ.

(Авдотья вноситъ второе блюдо—огромный кусокъ телятины.)

Клавдія. Какъ же не мое дѣло, Костенька? Я, вѣдь, мамашѣ деньги дала.

Щеткинъ. Дѣтскія, изъ копилки. Мы не обязаны давать.

Константинъ. Вамъ тоже не обязаны, да даютъ...

Щеткинъ. Нѣтъ, это позвольте! Я имѣю нравственное право. Папаша не отрицаетъ его, и вы напрасно злитесь. А вотъ это странно, что вы не возвращаете взятыя у хористки деньги и украденныя вашимъ братомъ.

Константинъ. Довольно! (Вынимаетъ деньги и кидаетъ Щеткину.) Возьмите!—Людмила, скажи мамашѣ, что я отдалъ за нее деньги Щеткинымъ. Обѣдать я не буду. Въ своемъ домѣ не даютъ ѣсть! (Уходитъ въ свою комнату.)

Людмила. И когда вы перестанете ссориться?

Щеткинъ. А вы, Людмила Александровна, думали, что за недѣлю вашего отсутствія все перемѣнилось? (Смѣется). Въ этомъ домѣ никогда ничего не перемѣнится. По-моему, въ курной избѣ съ мужиками жить лучше, чѣмъ здѣсь. Глупо вы сдѣлали, что пріѣхали.

Клавдія. Павликъ, перестань!

Щеткинъ. Не перестану. Я правъ, и всегда скажу правду въ глаза. Скандальнѣе дома Ванюшина нѣтъ во всемъ городѣ, только здѣсь все дѣлается шито и крыто.

(Входитъ Леночка.)

Щеткинъ (говоритъ громко, стараясь, чтобы слышалъ Константинъ). Гдѣ, въ какой семьѣ мальчишки-гимназисты имѣютъ содержанокъ? Примѣръ старшаго брата очень заразителенъ,—я не удивляюсь Алексѣю. Оттягивать у родственниковъ, у родной сестры, для побочной семьи... Очень хорошо!

Клавдія. Павликъ, перестань!

Леночка. У Кости нѣтъ никакой побочной семьи. Вы говорите неправду.

Щеткинъ. Ахъ, оставьте! Знаютъ всѣ въ городѣ. Кассирша изъ магазина Павленкова ходитъ въ шелкахъ и бархатѣ. Всѣмъ извѣстно, кто ее одѣваетъ какъ куклу и камелію.

Леночка. Неправда.

Людмила. Правда это или неправда, только вамъ-то не слѣдовало бы говорить этого, да еще при дѣвочкахъ. Простите меня, Павелъ Сергѣевичъ, вы много грязи и ссоры вносите въ нашу семью.

Щеткинъ. „Въ нашу семью"! Заступаетесь за нашу семью! Напрасно, долго вамъ здѣсь жить не придется.

Клавдія. Перестань!

Щеткинъ. Ты можешь оставаться на этомъ милюмъ званомъ обѣдѣ, а я—слуга покорный. Кусокъ въ горлѣ застрянетъ. (Уходитъ.)

Леночка. Хорошо, что ушелъ. Костенька услыхалъ бы—бѣда была бы.

Клавдія. Онъ раздражительный — наговоритъ, наговоритъ, а потомъ самъ кается.

(Входитъ Арина Ивановна.)

Арина Ивановна. Кушайте однѣ. Самъ-то лёгъ, ужъ больно разстроился. Компрессъ ему на голову положила, успокоительныхъ капель дала.

Клавдія. Какой тутъ обѣдъ! (Закуриваетъ папиросу).

(Леночка и Катя садятся и ѣдятъ.)

Арина Ивановна. Что будетъ съ Алешенькой—не знаю!.. Надо ему покушать наверху оставить: ночью придетъ—съѣстъ. Вотъ, Людмилочка, какъ у насъ дѣла идутъ... изъ рукъ вонъ, просто изъ рукъ вонъ.

Людмила. А вы не разстраивайтесь, мамаша. Вы думаете только у насъ въ семьѣ такъ?.. Есть такія семьи!

Арина Ивановна. За докторомъ хотѣла послать,—не хочетъ. Не любитъ онъ лѣчиться.

Аня. Взять да послать. Съ нимъ можетъ что-нибудь случиться. Больныхъ не спрашиваютъ.

Арина Ивановна. Безъ тебя знаютъ! Садись, кушай!

(Входитъ Красавинъ и Авдотья съ кулькомъ и дорожными вещами Красавина. Она помогаетъ ему раздѣваться. Красавинъ, тщедушный, хилый,

производитъ впечатлѣніе чахоточнаго человѣка, лѣтъ тридцати семи. На немъ дорожная тужурка и свѣтлыя брюки; массивная золотая цѣпь виситъ на груди; на рукахъ брильянтовыя кольца. Волосъ на головѣ мало; они и раздвоенная небольшая бородка тщательно причесаны. Онъ немного пьянъ, часто и дико смѣется, говоритъ горячо и тоже какимъ-то дикимъ, высокимъ теноромъ. Его пріѣздомъ всѣ присутствующіе въ столовой страшно удивлены. Людмила поблѣднѣла и глядитъ на него злыми глазами.)

Красавинъ. Не ждали? Къ тёщѣ въ гости пожаловалъ; но не съ пустыми руками—по-московски, съ подношеніемъ. Мы по-христіански, добромъ за зло! Ха-ха-ха! Авдотьюшка, пожалуйте сюда кулекъ. Тутъ все: и Филипповскіе ѳухари и Абрикосовскія конфеты. (Кладетъ кулекъ на столъ.) Ну-съ, а теперь по-родственному цѣловаться давайте! (Цѣлуется съ Ариной Ивановной и со всѣми по очереди; къ Людмилѣ подходитъ къ послѣдней.) А вамъ особенный и пижайшій... Ха-ха-ха! (Низко кланяется, доставая рукою полъ.) Простите свирѣпаго, простите нелѣпаго, простите окаяннаго! Вотъ какъ мы! Знай нашихъ! (Ударяетъ себя въ грудь.)

Людмила. Вы пьяны, поѣзжайте въ номера, проспитесь, а потомъ пріѣзжайте.

Красавинъ. Не дѣло. Къ тёстю зять пріѣхалъ, да въ номера поѣдетъ,—не дѣло!

Арина Ивановна. Зачѣмъ же, Людмилочка, въ номера? Алешеньки дома нѣтъ, пока въ его комнатѣ можно.—Ступайте, сосните, Степанъ Ѳедоровичъ.

Ванюшинъ (изъ спальни). Аринушка!

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ зоветъ. (Уходитъ въ спальню.)

Людмила. Зачѣмъ вы пріѣхали?

Красавинъ. Объ этомъ ужъ съ отцомъ будемъ говорить.

Людмила. Онъ боленъ.

Красавинъ. Подождемъ, когда выздоровѣетъ. Ха-ха-ха!

(Входитъ Арина Ивановна.)

Арина Ивановна. Въ спальню васъ зоветъ. Лежитъ онъ.

Красавинъ. Съ удовольствіемъ. (Уходитъ.)

Авдотья. Убирать, что ли, со стола?

Арина Ивановна. Убирай... не до тебя!

Клавдія (обращаясь къ Анѣ и Катѣ). Вы бы пошли лучше наверхъ.

Катя. Ну, вотъ еще! Намъ интересно.

Арина Ивановна. Ступайте, ступайте! Дѣлать вамъ здѣсь нечего.

Катя. А вамъ есть что?

Арина Ивановна. Ступайте!

(Леночка, Аня и Катя уходятъ наверхъ и сверху подсматриваютъ, что дѣлается въ столовой. Арина Ивановна подходитъ къ двери спальни и подслушиваетъ.)

Людмила. Мнѣ надо уѣхать... Я знаю, что онъ будетъ безобразничать, и для скандаловъ только пріѣхалъ сюда.

Клавдія. Куда же ты поѣдешь?

Людмила. Куда-нибудь. Оставаться здѣсь нельзя.

Арина Ивановна (отойдя отъ двери, тихо). Двадцать тысячъ проситъ, тогда, говоритъ, возьму обратно. (Опять подслушиваетъ.)

Людмила. Подлецъ!

Авдотья. Выгнать его, да и все, что въ самомъ дѣлѣ!

Клавдія. Только и стоитъ.

Людмила. Дай мнѣ денегъ. У меня ни копейки нѣтъ. Я не могу уѣхать.

Клавдія. Да у меня тоже нѣтъ.

Людмила. Возьми у мужа. Скажи, что я прошу.

Клавдія. Не дастъ: онъ на тебя сердится.

Людмила. За что?

(Авдотья уходитъ въ сѣни и уноситъ со стола посуду.)

Клавдія. Ты его несправедливо обвиняешь... Онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Арина Ивановна (опять отойдя отъ двери). Пятнадцать только проситъ. (Продолжаетъ подслушивать.)

Людмила. Дай мнѣ денегъ. Я знаю: я передъ тобой виновата, но прости меня, пожалѣй... Ты видишь мое положеніе.

Клавдія. Да когда нѣтъ... Что же дѣлать?

Людмила. Ну, хоть сколько-нибудь, только на дорогу.

Клавдія. Нѣтъ у меня.

Людмила. Заложи вещи.

Клавдія. Павликъ не позволитъ.

Людмила. Не смѣетъ онъ не позволить. Онъ долженъ помочь мнѣ!

Клавдія. У него семья, дѣти. Что это такое за „долженъ"?

Людмила. Сестра!.. (Въ отчаяніи.) Чужіе, чужіе! (Тихо рыдаетъ, склонившись на столъ.)

Клавдія. Не тебѣ упрекать меня.

Арина Ивановна (отойдя отъ двери). Полно тебѣ, Людмилочка! Пойдемъ отъ грѣха... Кажется, сюда идутъ Спрячемся гдѣ-нибудь.

(Всѣ уходятъ. Черезъ нѣкоторое время входитъ Ванюшинъ и Красавинъ. Ванюшинъ въ халатѣ.)

Красавинъ. Я человѣкъ коммерческій, въ полномъ смыслѣ мошенникъ... И горжусь этимъ! (Ударяетъ себя въ грудь.) Нынче жить иначе нельзя. Кто взялъ палку, тотъ и бьетъ. Вся Москва знаетъ, какъ я сумѣлъ получить страховыхъ сорокъ тысячъ, когда сгорѣло на пятнадцать. Вотъ какой я! У меня хозяинъ вотъ гдѣ сидитъ. (Показываетъ кулакъ.)

Ванюшинъ. Богъ тебя знаетъ, что ты мелешь. Зналъ я тебя за дѣльнаго человѣка, не пьющаго, а теперь просто не узнаю. Помѣшался словно ты. Ступай лучше проспись, а потомъ поговоримъ.

(Входитъ Авдотья.)

Красавинъ. Что у пьянаго на языкѣ, то у трез-

in vino veritas

ваго на умѣ. На любой биржѣ справьтесь: на безчестіе высокій тарифъ стоитъ, а у насъ въ Москвѣ въ особенности.

Ванюшинъ. Вотъ тебя Авдотья спать отведетъ. (Обращаясь къ Авдотьѣ.) Веди его.

Авдотья. Да и въ самомъ дѣлѣ—пойдемъ, Степанъ Ѳедоровичъ. Чего фордыбачишься? rear-up

Красавинъ. Авдотья! Люблю тебя, Авдотья! Славная баба! А сколько я тебѣ на чай далъ, когда былъ женихомъ?

Авдотья. Десять рублей.

Красавинъ. То-то, помни!

Ванюшинъ. Иди, будетъ канителиться.

(Авдотья ведетъ его на лѣстницу.)

Красавинъ (съ лѣстницы). А только мое слово неизмѣнно: не меньше пятнадцати тысячъ. (Уходитъ).

(Ванюшинъ подходитъ къ комнатѣ Константина.)

Ванюшинъ. Дома ты? Отопри!

Константинъ. Что вамъ нужно?

Ванюшинъ. Отопри. Говорить хочу я съ тобой. (Константинъ отпираетъ дверь. Ванюшинъ входитъ въ комнату. Сверху сходятъ Леночка, Аня и Катя.)

Леночка. Всѣмъ нельзя—услышатъ. Ты одна, Катя, на цыпочкахъ подойди.

Катя. Я ужъ знаю какъ. (Катя на цыпочкахъ, осторожно подходитъ къ двери комнаты Константина и подслушиваетъ. Леночка и Аня садятся на ступеньки лѣстницы.)

Аня. А какъ ты думаешь, зачѣмъ онъ теперь пріѣхалъ?

Леночка. Тише говори. Не знаю.

Аня. А билъ онъ Людмилу?

Леночка. Хотѣлъ, да она убѣжала. Никогда, Аня, не выходи замужъ безъ любви.

Аня. Я не выйду. А любить хорошо?

Леночка. Любовь—это все въ жизни, для нея только и стоитъ жить.

Аня. Алешу за любовь изъ гимназіи выгнали. Должно быть, хорошенькая она?

Леночка. Скверная женщина.

Аня. А что въ ней сквернаго?

Леночка. Она арфистка.

Аня. Арфистки всѣ нехорошія? Онѣ никого не любятъ?

Леночка. Кто деньги даетъ, того и любятъ.

Аня. И цѣлуютъ?

Леночка (тихо къ Катѣ). Катя! (Зоветъ ее жестомъ руки.) О чемъ они говорятъ? (Катя осторожно подходитъ къ нимъ.)

Катя. Плачетъ папаша, проситъ его на Распоповой жениться, а онъ не хочетъ.

Леночка. А онъ что говоритъ?

Катя. Говоритъ, что никогда безъ любви не женится.

Леночка. Ступай. Слушай!

(Катя подходитъ къ двери.)

Аня. Онъ тебя любитъ, Леночка?

Леночка. Ты, Аня, объ этомъ никому не говори. Мы очень другъ друга любимъ. Я хотѣла, чтобы ты такъ же любила.

Аня. Костя никого не любитъ кромѣ тебя, ни мамаши, ни сестеръ.

Леночка. Его никто не понимаетъ въ семьѣ, только я одна. У него добрая душа.

Аня. Нѣтъ, неправда это. Онъ злой: все только для себя одного дѣлаетъ.

Леночка. Ты не знаешь его.

Аня. Да онъ никогда не говоритъ съ нами.

(Изъ комнаты доносится голосъ Константина: „Никогда, никогда я этого не сдѣлаю!“ Катя отбѣгаетъ отъ двери.)

Катя. Костя разсердился. Собирается въ магазинъ.

(Бѣжитъ наверхъ, за ней Леночка и Аня. Входятъ Константинъ и Ванюшинъ. Константинъ одѣвается.)

Константинъ. Я для васъ много сдѣлалъ... Я бро-

Мая 15. 1919

силъ карьеру, не пошелъ въ университетъ, засѣлъ за прилавокъ, чтобы помогать вамъ, но этого вы не цѣните... Вы хотите, чтобы я самое дорогое, что у меня осталось и къ чему сводится весь смыслъ моей жизни—мою будущую семью—принесъ въ жертву ради пьянаго приказчика изъ Москвы, для того только, чтобы въ глазахъ другихъ облагородить мою сестру. Вы можете считать меня дурнымъ сыномъ, но я этого сдѣлать не могу, не могу жениться на вашей Распоповой или Раскоповой какой-то тамъ. (Хочетъ итти.)

Ванюшинъ. Постой! Вѣдь онъ по всей Москвѣ разблаговѣститъ. Скажутъ, Ванюшинъ не далъ денегъ, грошей не далъ... Кредита не будетъ. Какъ торговать-то мы съ тобою будемъ?

Константинъ. Кредитъ будетъ. Это вздоръ.

Ванюшинъ. А съ какими глазами мы въ Москву-то покажемся? Да я скорѣе въ гробъ лягу, чѣмъ поѣду туда.

Константинъ. Итакъ, значитъ, одинъ выходъ: я долженъ жениться. Этого я не сдѣлаю! Пускай лучше все въ трубу вылетитъ! Я проживу и безъ торговли.

Ванюшинъ. Врёшь! Ѣсть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это такъ говоришь, пыль въ глаза мнѣ, старику, пускаешь, дурачишь отца. Денегъ не хочетъ! Знаю, какъ ты не хочешь... Не хотѣлъ бы, такъ за прилавокъ-то не сѣлъ; онѣ-то тебя и приковали къ прилавку. Выучился слова говорить, да и тычешь ими въ носъ. „Въ университетъ пошелъ бы! Помогаю вамъ". Помощникъ, дери тебя горой! Сказалъ бы просто, что ни мнѣ, ни сестрѣ, ни дѣлу помочь не хочешь...

Константинъ. Надѣюсь, вы кончили? Я васъ слушалъ только потому, что вы мой отецъ. (Уходитъ и сильно ударяетъ дверью.)

(Въ столовой почти темно. Ванюшинъ садится у стола. Смотритъ въ одну точку и напряженно о чемъ-то думаетъ.)

Ванюшинъ. Не попра́вишься... Нѣтъ... Что дѣлать-то? (Кладетъ руку на голову.)

(Арина Ивановна робко и тихо подходитъ къ нему. Онъ не видитъ ее.)

Ванюшинъ. Что дѣлать-то? Голова круго́мъ...

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ, что съ тобой? Зачѣмъ всталъ-то, ступай лягъ.

Ванюшинъ. Божья старушка, научи, скажи что-нибудь... Руки у меня опускаются... fall down (I am powerless)

Арина Ивановна. Я Клавдиньку съ Людмилочкой позову.

Ванюшинъ. Не надо. И не говори имъ ничего про меня. Несчастныя всѣ, всѣ несчастныя!

Арина Ивановна. Да не убивайся ты... Все обойдется... Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдетъ.

Ванюшинъ. Не обойдется... нельзя, чтобы обойтись... Души у нихъ у всѣхъ несчастныя.

Арина Ивановна. Да про кого ты говоришь?

Ванюшинъ. Работать не могутъ, жить не могутъ... Старуха, кто у насъ дѣтей-то сдѣлалъ такими? Откуда они? Наши ли?

Арина Ивановна. Ужъ я не знаю, что ты и говоришь...

Ванюшинъ. Для нихъ старался, для нихъ дѣлалъ, и всѣмъ вра́гомъ сталъ.

Арина Ивановна. Грозенъ ты ужъ больно. Вонъ Але́шеньку-то какъ перепугалъ.

Ванюшинъ. Грозенъ, боятся... А знаютъ ли они, какъ смотрѣть-то на нихъ жалко? Не чувствуютъ, ничего не чувствуютъ... Словно не оте́цъ я имъ.

Арина Ивановна. Я Але́шенькѣ скажу.

Ванюшинъ. Не надо. Пусть думаютъ, что хотятъ про отца. Все равно, немного намъ съ тобой жить, какъ нибудь доживемъ. Усталъ я сорокъ лѣтъ вести васъ. Рукой на все махну. Пусть живутъ какъ хотятъ! И для чего работалъ? Для чего жилъ? Грошъ къ грошу кровью

приклеивалъ... Суета ты, жизнь человѣческая! (Задумывается.)

(Арина Ивановна уходитъ въ спальню и возвращается съ бутылкой святой воды; мочитъ ему голову.)

Ванюшинъ. Что ты?

Арина Ивановна. Водицей святой изъ ключа Семиозерной пустыни.

Ванюшинъ. Вотъ ты мочила бы дѣтямъ-то головы, да не теперь, раньше... Оставь!

Арина Ивановна. Я за Костенькой пошлю.

Ванюшинъ. Не надо. Не смѣй говорить ничего никому. Мнѣ больнѣе будетъ... Слышишь — не смѣй! Я пойду лягу. (Идетъ въ спальню, Арина Ивановна его поддерживаетъ.) А ты молись. Я люблю, мнѣ легче, когда ты молишься. (Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Ванюшина. Узкая, длинная комната, отдѣляющаяся аркой отъ зала. Залъ виденъ. Арка увита плющомъ и по обѣимъ сторонамъ ея стоятъ большіе розаны въ деревянныхъ кадкахъ. Мебель стараго фасона изъ краснаго дерева. Въ глубинѣ огромный рояль изъ такого же дерева; большой зеленый коверъ съ красными цвѣтами застилаетъ половину комнаты. Слѣва на первомъ планѣ окно, заставленное диваномъ; по бокамъ дивана двѣ высокія деревянныя тумбочки, на которыхъ стоятъ искусственные букеты въ вазахъ подъ стеклянными колпаками; преддиванный столъ и кресла. Справа дверь; у дверей этажерка съ серебромъ и золотомъ; два большихъ до потолка зеркала по бокамъ окна, выходящаго на улицу. Мягкіе стулья разставлены по стѣнамъ; на стѣнахъ бра и художественныя картинки, случайно попавшія въ домъ Ванюшина. Въ залѣ передъ аркой такое же зеркало, какъ въ гостиной, и множество стульевъ, плотно разставленныхъ по стѣнамъ. По случаю торжественнаго дня, причастія Ванюшина, Акулина приготовляетъ чайный столъ въ залѣ. Аня и Алексѣй входятъ въ гостиную.

Аня (таща Алексѣя за рукавъ). Да посиди ты здѣсь! Онъ не скоро придетъ. Здѣсь воздуху больше. Все наверху да наверху. Вотъ сядемъ у окна и будемъ смотрѣть.

Какъ изъ церкви пойдетъ народъ, ты и уйдешь наверхъ. (Садится у окна, выходящаго на улицу.)

Алексѣй. Сегодня совсѣмъ весна. Солнце-то какъ свѣтитъ...

Аня. Хорошо на улицѣ. Пойдемъ гулять къ Волгѣ, полынья у пристаней большая-большая, словно Волга уже разлилась.

Алексѣй. Не хочется. Противно на народъ смотрѣть. Еще знакомыхъ встрѣтишь, начнутся сожалѣнія, допросы. Сожалѣютъ, считаютъ тебя погибшимъ, какъ будто бы они лучше. Идіоты!

Аня (смотря въ окно). Вонъ барышня Распопова подъѣхала къ церкви... Алеша, хочешь кушать? Я пирожковъ изъ кухни принесу.

Алексѣй. Нѣтъ.

Аня. Я принесу. Когда тебѣ наверхъ-то еще пришлютъ! Я сейчасъ. (Убѣгаетъ въ кухню за пирожками и скоро возвращается.) Только четыре еще изжарили. Бери. Я одинъ съѣла.

Алексѣй. Я наверхъ съ собой возьму. (Хочетъ итти.)

(Слышенъ церковный звонъ.)

Аня. Не скоро онъ придетъ. Вотъ только сейчасъ второй звонъ.

(Алексѣй садится.)

Аня. Распопова почти каждый день въ церкви бываетъ. Я знаю, зачѣмъ она ѣздитъ. Хитрая... Костя на ней все равно не женится, напрасно ѣздитъ. Онъ даже и не замѣчаетъ ея.

Алексѣй. Онъ не имѣетъ права.

Аня. Да, онъ не можетъ.

Алексѣй (удивленно смотритъ на нее). А ты откуда знаешь?

Аня. Мы все съ Катей знаемъ, все, все! Мы у Леночки дневникъ читали.

Алексѣй. Это нехорошо. Постоянно вы подслушиваете, подглядываете. Такія же будете халды, какъ сестры.

Аня. А ты откуда знаешь?

Алексѣй. Я такъ вижу, я все вижу, что у каждаго на душѣ дѣлается.

Аня. Ты умный, Алеша.

Алексѣй. Глупый,—не дотянулъ лямки въ гимназіи. Но я еще покажу имъ всѣмъ! (Волнуясь.) Они думаютъ, что ничего нѣтъ важнѣе въ жизни гимназическаго аттестата. Есть! Аттестатъ я добуду.

Аня. Какъ же, Алешенька?

Алексѣй. Сдамъ выпускной экзаменъ, да и все. Я не дамъ имъ погубить себя изъ-за бумажонки!

Аня. Вотъ будетъ хорошо!

Алексѣй. А ужъ тогда я поговорю. Говорить мнѣ хочется, а никто не слушаетъ, не съ кѣмъ говорить.

Аня. Скажи мнѣ.

Алексѣй. Не поймёшь ты. У насъ въ семьѣ не съ кѣмъ говорить: братъ умѣетъ только фыркать, мамаша больше тебя ребенокъ, отъ отца послѣ каждой свободной фразы, вырвавшейся изъ сердца, приходится прятаться, чтобъ онъ не схватилъ бы тебя за волосы и не началъ таскать по полу... про остальныхъ и говорить нечего.

Аня. Не хорошо у насъ, не такъ, какъ у другихъ.

Алексѣй. Не хорошо, Аня.

Аня. Папаша теперь не сердится на тебя... только ни съ кѣмъ не разговариваетъ, все больше одинъ сидитъ. Вчера я была въ церкви, онъ исповѣдывался. Какъ онъ плакалъ, Алеша! На всю церковь слышно было. А вышелъ отъ попа, такъ ширмочку чуть не уронилъ, за которой исповѣдываются,—знаешь?

Алексѣй. Не понимаю я его.

(Входитъ Константинъ съ книгой.)

Константинъ. А, затворникъ, спустился наконецъ сверху! Поумнѣлъ? Сколько ты ни сидѣлъ бы въ своей комнатѣ, ровно ничего не высидѣлъ бы. Что рѣшилъ ты дѣлать?

Алексѣй. Уѣхать.

Константинъ. Цѣль?

Алексѣй. Прежде всего хочу уѣхать изъ дому.

Константинъ. Глупо... мальчишество! Надо ясно выяснить себѣ,—куда, зачѣмъ.

Алексѣй. Я это выяснилъ.

Константинъ. Ты не хочешь подѣлиться своими планами?

Алексѣй. Да, покуда не хочу.

Константинъ. Напрасно, я тебѣ могъ бы, можетъ быть, помочь. Я самъ думалъ, что тебѣ лучше уѣхать. Хочешь, я поговорю съ отцомъ?

Алексѣй. Я самъ могу. Благодарю тебя. (Уходитъ; Аня за нимъ, захвативъ пирожки.)

Константинъ. Свинья! (Садится на диванъ и читаетъ книгу. Входитъ Леночка.)

Леночка. Костенька, ты здѣсь! (Подбѣгаетъ къ нему и цѣлуетъ.)

Константинъ. Въ залѣ, можетъ быть, кто-нибудь есть...

Леночка. Никого нѣтъ. (Ласкаетъ его.) Гдѣ ты вчера былъ? Я не спала всю ночь... думала...

Константинъ. Въ клубѣ игралъ въ карты. (Отстраняетъ ее отъ себя.) Перестань! Могутъ войти. (Леночка отходитъ отъ него и недовольная садится.)

Константинъ. Я разстроенъ, Лена, всѣми этими домашними дрязгами... конца имъ не будетъ! Отецъ до сихъ поръ на меня дуется, не говоритъ ничего. Кажется, если бы я получилъ гдѣ-нибудь въ конторѣ пятьдесятъ рублей, я ушелъ бы одинъ, или хоть бы съ тобой... я былъ бы счастливѣе.

Леночка. Вотъ если бы мы жили съ тобой гдѣ-нибудь въ деревнѣ, въ маленькомъ хуторкѣ... Вмѣстѣ гуляли бы, катались на лодкѣ...

Константинъ. Я объ этомъ, Лена, пересталъ думать. Все это несбыточныя мечты.

Леночка. А раньше говорилъ, что это легко... говорилъ, что скопишь денегъ, уѣдемъ въ деревню... Я мечтала, надѣялась.

Константинъ. Опять за старое? Брось эти мечты! На мнѣ дѣло, цѣлая семья... Что говорить сто разъ объ одномъ и томъ же!

Леночка. Да какъ же мнѣ не говорить? Ты самъ знаешь...

Константинъ (грубо). Была тамъ...?

Леночка. Нѣтъ.

Константинъ. Ну, вотъ, видишь!

Леночка. Мнѣ неловко, стыдно...

Константинъ. Ничего не значитъ. Это очень обыкновенно... Поѣзжай въ слободу, тамъ на узкой улицѣ живетъ какая-то... не знаю, какъ ея фамилія... спросишь: гдѣ тутъ живетъ акушерка?—всякій покажетъ. Она тебя не знаетъ,—не все ли равно?

Леночка. Да что тамъ ѣздить? Я чувствую...

Константинъ. Ну, Леночка, для меня. Если это такъ—я, просто, голову потеряю!

Леночка. Говорилъ, что если будетъ ребенокъ, уйдешь...

Константинъ. Довольно... говорить здѣсь неудобно... Приходи ночью.

(Пауза. Леночка хочетъ еще что-то сказать, но не рѣшается.)

Константинъ. Я читаю дневникъ Нансена. Замѣчательно интересно! Представь себѣ: холодъ, постоянная ночь, кругомъ ледъ, и среди этого льда кучка людей.

Леночка. Мѣсяцъ пройдетъ, что же я буду дѣлать?

Константинъ. Тебя ничѣмъ не заинтересуешь! Какъ я ни стараюсь, ничего не выходитъ. Ничего общаго! Удивительно интересно имѣть такую жену...

Леночка. Я слышала... Ты говорилъ: одинъ ледъ и люди...

Константинъ. Ну, что же, одинъ ледъ и люди?..

Леночка. Да ты же говорилъ...

(Молчаніе. Константинъ читаетъ.)

Леночка. Костенька, почитай вслухъ. loud.

Константинъ. Иди лучше ковыряй иглой.

Леночка. Тутъ ничего нѣтъ такого. Я сама себѣ все шью. Что же изъ этого? Я дома и на другихъ работаю.

Константинъ. Вотъ и поѣзжай и шей дома! Я думалъ, что изъ тебя можно что-нибудь сдѣлать... Грамматику и въ руки не берешь, больше мѣсяца не диктовали.

Леночка. Какая тутъ диктовка! Не то на умѣ...

Константинъ. Довольно, оставь свои жалобы!

(Изъ залы выходитъ Красавинъ; онъ мраченъ послѣ похмелья). drunk

Красавинъ. Что это не видно Людмилочки?

Леночка. Она въ церкви. (Пауза.)

Красавинъ. Скука у васъ.

Константинъ. Что же вы не ѣдете въ Москву?

Красавинъ. Выгоняете?

Константинъ. Я спрашиваю.

Красавинъ. Вы лучше бы, какъ родственникъ, дали бы мнѣ совѣтъ. petite

Константинъ. Не пейте. Двѣ недѣли пьете. Телеграммы каждый день, а вы не ѣдете.

Красавинъ. Двадцать пришлютъ, тогда поѣду. Я ихъ не боюсь! Вы думаете, меня прогнать могутъ? Никогда. Я въ дѣлѣ все... даромъ что приказчикъ, а у меня десять тысячъ въ дѣлѣ. Не думайте...

Константинъ. Мнѣ это не интересно.

Красавинъ. Вы ничѣмъ коммерческимъ не интересуетесь. Какой вы коммерсантъ? Вамъ только книги читать бы...

Константинъ. Я прошу васъ прекратить.

Красавинъ. По-моему, такъ: книги—такъ книги, коммерція — такъ коммерція! Помяните мое слово: вы

проторгуетесь. Развѣ есть у васъ порядокъ въ магазинѣ? У меня въ Москвѣ...

(Церковный звонъ.)

Леночка (у окна). Обѣдня кончилась, народъ выходитъ.

Красавинъ. Купецъ долженъ вставать въ шесть часовъ утра и ни о чемъ не думать кромѣ торговли.

Леночка. Сколько народу! Латышиха причащалась.

Красавинъ. Отецъ—торговецъ, а вы—никакой. Это я вамъ въ глаза прямо говорю.

Константинъ. Вы—хамъ.

Красавинъ (горячо). А вотъ черезъ два-три года по Тверской на резиновыхъ шинахъ поѣду въ собственной коляскѣ!.. Хамъ, а поѣду! Грязью обливать стану, ха-ха-ха!

Константинъ. Перестаньте...

Красавинъ. Вотъ вамъ икону сыму! Издохну, если этого не будетъ!

Константинъ. Вы совсѣмъ дикій человѣкъ, на васъ обижаться нельзя! (Встаетъ и уходитъ; въ залѣ встрѣчается съ Ванюшинымъ и цѣлуетъ у него руку. Ванюшинъ входитъ.)

Красавинъ. Удралъ! Не любитъ правды.

Ванюшинъ. Что ты тутъ буянишь?

Леночка (цѣлуя руку). Поздравляю васъ, дядюшка. (Уходитъ.)

Красавинъ. Съ Константиномъ у насъ разговоръ вышелъ.

Ванюшинъ. Во-первыхъ, онъ тебѣ не Константинъ, а во-вторыхъ, ему съ тобой и разговаривать не о чемъ. Разговаривай со мной. Если ты не пьянъ, я поговорю съ тобой. Скажи на милость, скоро ли конецъ будетъ этому?

Красавинъ. Чему?

Ванюшинъ. Да твоему поведенію.

(Въ залѣ Арина Ивановна, Людмила, Клавдія, Леночка садятся пить чай.)

Красавинъ. Когда прикажете?

Ванюшинъ. Постой, не скоморошничай! Я сегодня причащался и ссориться не хочу; хочется мнѣ, чтобы все въ семьѣ своей уладить, опредѣлить. Скажи мнѣ прямо и просто: чего ты хочешь?

Красавинъ. Чтобы жена со мной поѣхала.

Ванюшинъ. Вѣдь ты денегъ хотѣлъ?

Красавинъ. Я вамъ вѣрю: вы отдадите, когда будутъ у васъ. Я вотъ какой человѣкъ! А безъ жены мнѣ возвращаться въ Москву неловко, стыдно... смѣяться будутъ...

Ванюшинъ. Такъ. Вотъ мы теперь и спросимъ у нея, хочетъ ли она возвращаться къ тебѣ. (Зоветъ.) Людмилочка!

Людмила (входитъ).

Арина Ивановна (къ мужу). Александръ Егоровичъ, идемъ чай пить! Послѣ будешь разговаривать.

Ванюшинъ. Погоди. (Обращается къ Людмилѣ.) Вотъ мужъ въ Москву зоветъ — поѣдешь? Говори, что есть на душѣ; помни, отецъ у тебя не звѣрь, худого тебѣ не желаетъ, лишній ротъ не разоритъ его.

(Людмила неловко относится къ словамъ отца и удивляется имъ.)

Людмила. Я не знаю.

Ванюшинъ. Какъ не знаешь?

Людмила. Ни къ нему ѣхать, ни у васъ не хотѣлось бы остаться. Это вы такъ говорите, а потомъ будете молчать да дуться. Отъ однихъ вашихъ взглядовъ убѣжишь.

Красавинъ. Понятно такъ. Что на шеѣ у отца-то сидѣть... Поѣдемъ, Людмилочка.

(Ванюшинъ больно затронутъ словами дочери: онъ хотѣлъ бы сказать ей, какъ она несправедлива, но не умѣетъ высказать этого.)

Ванюшинъ. Нѣтъ, не такъ. Я всегда и тебѣ и другимъ желалъ только хорошаго, а выходитъ не то. Глядѣлъ—душа плакала, а вы злобу да вражду во взглядахъ моихъ видѣли. Отца-то вы не знаете.

Людмила. Вы все молчите, а если говорите, то ругаетесь.

Ванюшинъ. А вотъ теперь тебѣ говорю и не ругаюсь: погоди ѣхать; видишь, какимъ онъ хахалемъ сталъ! Пусть перемѣнится, пить перестанетъ, за умъ возьмется, тогда самъ пошлю, самъ буду совѣтовать.

Красавинъ. Да если, Людмилочка, ты поѣдешь,— не узнаешь меня! Все забуду, языкъ самъ себѣ вырву, когда онъ хоть однимъ словомъ посмѣетъ намекнуть. Вотъ какъ!

Людмила. А пить не будешь?

Арина Ивановна, Клавдія, Леночка, заинтересованныя разговоромъ, стоятъ въ аркѣ.)

Красавинъ. Ни рюмки! За десятерыхъ буду работать! Черезъ два-три года на резиновыхъ шинахъ поѣдемъ...

Людмила. Какой вы глупый!

Красавинъ. Да ужъ книгъ не читаю, и считаю даже лишнимъ для коммерсанта это. Я человѣкъ торговый, у меня каждый палецъ коммерческій, каждый ноготь о выгодѣ думаетъ. Вы вотъ что во мнѣ цѣните! (Бьетъ себя кулакомъ въ грудь.)

Людмила. Все равно: и здѣсь скверно, и у васъ скверно. Я ѣду.

Арина Ивановна. Людмилочка, что ты!

Леночка. Она шутитъ.

Людмила. Я ѣду.

Ванюшинъ. Подумай, Людмила, что ты дѣлаешь!

Красавинъ. И нечего думать! Прекрасно дѣлаетъ, хуже не будетъ! Я сейчасъ же и телеграмму дамъ о выѣздѣ. Завтра, а если успѣемъ, и сегодня уѣдемъ. (Идетъ и возвращается.) Тебѣ, можетъ быть, на дорогу что-нибудь надо купить? Возьми. (Даетъ Людмилѣ сто рублей и уходитъ.)

Ванюшинъ. Объясни мнѣ, что же это такое значитъ: пришла, отца обвинила, что насильно тебя за-

мужъ вытолкалъ, а теперь сама къ нему бѣжишь? Ни достоинства, ни уваженія къ тебѣ: пріѣхалъ, надругался, а какъ только поманилъ резиновыми шинами, ты и бѣжишь къ нему... Меня-то еще больше позоришь.

Людмила. Да какая жизнь здѣсь? За эти двѣ недѣли, что я у васъ, я измучилась... Вѣчно сознавать и чувствовать, что ты здѣсь лишняя, въ тягость... Это ужасно! А потомъ эти постоянныя ссоры, то изъ-за одного, то изъ-за другого...

Клавдія. По-моему, Людмила дѣлаетъ прекрасно. Павликъ говоритъ, что лучше съ мужикомъ въ избѣ жить, чѣмъ здѣсь.

Людмила. Отъ одного братца Костеньки сбѣжишь куда глаза глядятъ.

(Входитъ Константинъ.)

Клавдія. Вотъ видите, онъ сейчасъ далъ ей сто рублей, а ей нужны были перчатки, такъ она ни у кого не могла достать здѣсь двухъ рублей,—у меня взяла.—Ты не забудь отдать.

Константинъ. Я мѣшаю жить? Мнѣ кажется, послѣдняя прачка не возвратилась бы къ такому хаму.

Клавдія. Это ты такъ только говоришь.

Людмила. А самъ первый дашь почувствовать, что я здѣсь лишняя. Попроси у тебя двадцать копеекъ, ты не дашь, да еще кричать начнешь.

Константинъ. И эти женщины чему-то и когда-то учились! Мелочны, какъ торговки съ толчка!

Ванюшинъ. Не ссорьтесь! Дайте хоть одинъ день мнѣ провести спокойно. Причащался я сегодня, думалъ по-другому жить начать, выше денегъ да торговли покой души считать, хоть бы разореніе черезъ это пошло... а выходитъ совсѣмъ иначе. Я съ добромъ, а вы съ коломъ.

Константинъ. Разоренія я во всякомъ случаѣ не допущу! Вамъ все равно, а у меня еще цѣлая жизнь впереди.

Ванюшинъ. Не то, Константинъ, не то. Развѣ я могу разорять тебя? Не дай Богъ увидать мнѣ васъ нищими! Не переживу я этого. А хочется мнѣ прежде всего о душахъ вашихъ больше думать; вижу я, что тьма въ нихъ, корысть, да вражда. Деньгами тутъ не поправишь. Говѣлъ я и думалъ...

Константинъ. Вы, кажется, въ ханжество ударились? Это, по мнѣнію нашего зятя Красавина, коммерческому лицу не къ лицу...

Людмила. И онъ правъ. Распустите нюни, все сквозь пальцевъ потечетъ.

Ванюшинъ. Ну, будетъ. Разъ хотѣлъ съ вами по душѣ побесѣдовать—священникъ въ церкви мнѣ совѣтовалъ—да вижу, не понять вамъ. Старуха, угощай чаемъ.

Арина Ивановна. Самоваръ не потухъ ли? Чудесный ты сегодня, Александръ Егоровичъ... душа моя радуется.

(Ванюшинъ, Арина Ивановна, Константинъ, Людмила и Клавдія уходятъ въ залъ, къ чайному столу. Оставшіяся Аня и Леночка стараются говорить тише.)

Аня. Вотъ папаша какой сегодня!

Леночка. Я его просто не узнаю. И что съ нимъ сдѣлалось.

Аня. Надо Алешу позвать, сегодня онъ его проститъ.

Леночка. Какъ бы опять не разсердился? Сегодня не надо, такой день...

Аня. Я мамашу спрошу. (Подходитъ къ аркѣ.) Мамаша!

Арина Ивановна (изъ зала). Асинька?

Аня. Можно вамъ на одну минуточку?

Арина Ивановна. Сейчасъ. (Входитъ.)

(Въ это время въ залѣ появляется Щеткинъ. Онъ здоровается съ Ванюшинымъ и поздравляетъ его съ днемъ причастія. Клавдія сообщаетъ ему о рѣшеніи Людмилы возвратиться къ мужу. Щеткинъ очень доволенъ. За столомъ оживленный разговоръ.)

Арина Ивановна. Что тебѣ?

Аня. Мы хотимъ позвать Алешу, чтобъ онъ съ папашей повидался.

Арина Ивановна. Хорошо, сегодня можно, онъ проститъ его.

(Входитъ Катя.)

Аня. Я сейчасъ.

Арина Ивановна. Скажи, что я велѣла... бояться нечего.

Аня. Я его притащу. (Обращается къ Катѣ.)

Катя. Куда?

Аня. Алешу звать... Идемъ, вмѣстѣ лучше уговоримъ.

Катя. Папаша здѣсь.

Аня. Вотъ мы и хотимъ, чтобъ онъ сошелъ... папаша сегодня добрый, хорошій.

Арина Ивановна. Ступайте вмѣстѣ, скажите, что я велѣла.

Катя. Идемъ. (Уходятъ.)

Арина Ивановна. Чай, не придетъ? Авось ради такого дня все исправится. А ты что, Леночка, что?

Леночка. Я не хочу.

(Арина Ивановна уходитъ. Леночка садится у окна. Щеткинъ, еще въ залѣ замѣтивъ ее, подходитъ къ ней.)

Щеткинъ (здороваясь). Мое почтеніе. Въ уединеніи? Мечтаете? Вамъ есть о чемъ мечтать...

Леночка. Каждый человѣкъ мечтаетъ.

Щеткинъ. А вы въ особенности. Ахъ, да! Я долженъ предъ вами извиниться...

Леночка. За что?

Щеткинъ (подчеркивая каждое слово). Я наклеветалъ на Константина Александровича. Вы въ столовой были совершенно въ правѣ за него заступиться: онъ ни съ какой кассиршей не живетъ, да ему и не зачѣмъ.

Леночка. Вы постоянно клевещете... И какое вамъ дѣло?

Щеткинъ. Никакого дѣла, если это на сторонѣ, но

разъ въ семьѣ, къ членамъ которой имѣю несчастіе принадлежать я,—это другое дѣло... Да-съ.

Леночка. О чемъ вы говорите?

Щеткинъ. Вы прекрасно знаете. Слухами полна вся дворня.

Леночка (вспыхнувъ). Я Костѣ скажу.

Щеткинъ. Будетъ очень глупо; я передаю только какъ слухъ, но не утверждаю. (Уходитъ въ залъ.)

(Входятъ изъ двери Аня, Катя и Алексѣй.)

Аня. Иди! Онъ сегодня добрый, хорошій. (Тащитъ Алексѣя за рукавъ. Катя помогаетъ ей.)

Катя. Надо же когда-нибудь.

Взволнованная и испуганная Леночка выходитъ въ залъ и, не видя въ немъ Константина, идетъ искать его.)

Аня. Я пойду скажу ему. (Нерѣшительно доходитъ до арки и говоритъ.) Папаша, Алеша пришелъ.

Ванюшинъ (въ залѣ). Пришелъ! Гдѣ? (Входитъ въ гостиную. Пауза. Алексѣй послѣ нѣкотораго колебанія подходитъ къ нему и цѣлуетъ у него руку.)

Алексѣй. Простите за все. Я вамъ много горя сдѣлалъ.

Ванюшинъ. Ну, ничего, ничего... Садись.

(Садится. Пауза. Аня и Катя выходятъ въ залъ.)

Ванюшинъ. Горячъ я. Меня винить нельзя... отецъ, вѣдь... Садись.

(Алексѣй садится.)

Ванюшинъ. Говори, что ты надумалъ? Говори прямо, какъ товарищу, не бойся.

(Алексѣй пораженъ перемѣной отца.)

Ванюшинъ. Что ты молчишь? Говори. Нельзя такъ жить, ничего не дѣлая, наверху сидѣть. Самому, чай, тяжело?

Алексѣй. Мнѣ тяжело... Вы не думайте, что я дурной... Мои поступки нехорошіе—это я самъ знаю—но... (сдерживая слезы) мнѣ хочется быть лучше.

Ванюшинъ. Не понимаю.

Алексѣй. Всѣ меня считаютъ какимъ-то погибшимъ,

никуда негоднымъ. Если выгнали изъ гимназіи, такъ и не человѣкъ, значитъ, я? Никуда нельзя глаза показать, сожалѣютъ, читаютъ нравоученія, давятъ, гнетутъ, озлобляютъ до того, что хочется сдѣлать иногда что-нибудь дерзкое, жестокое.

Ванюшинъ. Ужъ ты много сдѣлалъ.

Алексѣй. Само собой все выходило,—не думалъ, а дѣлалось... Не мальчикъ я, и давно уже не мальчикъ, а меня считаютъ за какого-то маленькаго, не говорятъ, дерутъ, потчуютъ прописными моралями. Гимназическое начальство съ высоты своего величія изрыгало свои наставленія и ябедничало, сплетничало вамъ, какъ послѣдняя кухарка...

Ванюшинъ. Не по головѣ же нужно было тебя гладить.

Алексѣй. Не гладить, а только не злить, не возмущать.

Ванюшинъ. Ты самъ всѣхъ возмущалъ. Самъ же сознаешься, что нехорошо велъ себя.

Алексѣй. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я хорошо не знаю, дурно ли я велъ себя или нѣтъ.

Ванюшинъ. Да какъ же не дурно, Алексѣй? Пьянствовалъ, кутилъ съ какими-то дѣвчонками — это въ твои-то годы! Начальство вѣдь все знало.

Алексѣй. Начальство это знало, знали и вы, но что дѣлалось во мнѣ, вы этого не знали—до этого ни вамъ, ни имъ не было никакого дѣла. Дурной, выбившійся изъ рукъ мальчишка—бей его, запирай въ карцеръ, записывай въ кондуитъ, выгоняй! Простите, я, можетъ быть, говорю такъ, какъ не слѣдуетъ говорить сыну...

Ванюшинъ. Нѣтъ, говори. Слушаю я тебя, и самъ не знаю, что думать. Ишь какой адвокатъ! Я не зналъ, что ты такъ и говорить-то умѣешь.

Алексѣй. Не мудрено. Вѣдь какъ это ни странно, я съ вами говорю въ первый разъ въ жизни. Я многое

могъ бы сказать вамъ, да мнѣ неловко и стыдно говорить съ вами.

Ванюшинъ. Говори.

Алексѣй. Не могу. Я только буду просить васъ позволить мнѣ уѣхать отсюда. Дайте мнѣ на первое время денегъ, и я больше не буду васъ безпокоить ничѣмъ. Вотъ что я рѣшилъ.

Ванюшинъ. И ты, значитъ, бѣжишь отъ меня? Всѣ бѣгутъ... Куда же ты поѣдешь?

Алексѣй. Въ Петербургъ. Постараюсь сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и жить уроками.

Ванюшинъ. Что же тебѣ дома не готовиться? Безъ всякихъ уроковъ могъ бы жить.

Алексѣй. Дома! У насъ дома жить нельзя, а не только готовиться. Здѣсь, не говоря ни слова, молча, гнетутъ и сушатъ другъ друга. Дышать свободно нельзя!

Ванюшинъ. Что у насъ ладу нѣтъ въ семьѣ, это я самъ чувствую, и тяжело мнѣ. Такъ вотъ ты и растолкуй мнѣ, старому старику, своимъ молодымъ умомъ, какъ быть. Что мнѣ дѣлать-то? Подсоби... Будь хоть ты человѣкомъ.

Алексѣй. Я не знаю, что вамъ сказать. Вы просите у меня совѣта,—это такъ ново для меня, такъ необыкновенно.

(Константинъ появляется въ залѣ, онъ взволнованъ и блѣденъ. Проходя черезъ залу въ гостиную, онъ успѣваетъ бросить Щеткину слѣдующую фразу.) spread scandal

Константинъ. Вы распространяете сплетни! Я вамъ покажу, какъ сплетничать! (Обращаясь къ Ванюшину, входитъ въ гостиную.) Если вы не положите этому конецъ, я уйду изъ дому! Я требую, чтобы Щеткинъ не вмѣшивался въ нашу семью и въ домѣ у насъ не жилъ!

Ванюшинъ. Что такое?

Константинъ. Щеткинъ изволитъ на меня наговаривать пасквили... libel

(Щеткинъ вбѣгаетъ въ гостиную.)

Щеткинъ. Я никогда ничего не говорилъ. Вы съ ума сошли!

Константинъ. Вы говорили, что я живу съ Еленой... Мерзавецъ! (Бросаетъ въ него пепельницей, но не попадаетъ.) (Клавдія вбѣгаетъ въ залъ и съ Алексѣемъ удерживаютъ Щеткина. Арина Ивановна, Людмила, Аня и Катя стоятъ въ аркѣ. Леночка появляется въ залѣ.)

Константинъ. Ржавчина, проѣдающая каждаго до костей! Онъ смѣлъ моимъ дружескимъ, совершенно братскимъ отношеніямъ къ Еленѣ дать такое пошлое толкованіе! Я не потерплю этого!

Алексѣй. А если я скажу: ты врешь!

Константинъ. Что такое? И ты... Не можетъ быть, ты не Щеткинъ... Только онъ не можетъ допустить между женщиной и мужчиной обыкновенной дружбы.

Алексѣй. А что значатъ ея слезы? Я каждую ночь слышу за стѣной, какъ она плачетъ, придя отъ тебя наверхъ въ три, четыре часа...

Ванюшинъ. Гдѣ Елена? Елену сюда... (Леночка робко входитъ.) Слышала? Что скажешь?

Леночка. Это, дядя, неправда. Я съ Костенькой просто дружна... читаемъ, разговариваемъ...

Константинъ. Врутъ они оба! Они злятся на меня, одинъ за то, что я не одобряю его попрошайничества, а другой на каждаго кинуться радъ. Я не виноватъ, что тебя выгнали изъ гимназіи!

(Аня, до сихъ поръ сдерживающая себя, выступаетъ впередъ. Дыханіе ея учащено, часто хватается за горло и съ трудомъ можетъ говорить: спазмы и слезы мѣшаютъ ей говорить.)

Аня. Не смѣешь... не смѣешь... Алешу обижать... тоже... папашу... въ глаза...

Людмила. Полно, Аня... что съ тобой?

Аня. Мы съ Катей все знаемъ... мы дневникъ ея читали... письма... (Вскрикиваетъ, обращаясь къ Константину.) Не хорошо! Не хорошо...

(Съ ней истерика, плачетъ и хохочетъ въ одно и то же время. Щеткинъ и Людмила выводятъ ее изъ гостиной. Арина Ивановна, по-

трясенная всѣмъ слышаннымъ, изъ доброй, кроткой старушки превращается въ непохожую на себя женщину. Съ отчаяніемъ, сжавъ кулаки, она подбѣгаетъ къ Леночкѣ, кричитъ и топаетъ ногами. Всѣ удивленно смотрятъ на нее.)

Арина Ивановна. Вонъ, грѣховодница, изъ дому! Вонъ! (За этой вспышкой слѣдуетъ мгновенный упадокъ силъ. Она вся дрожитъ и съ трудомъ стоитъ на ногахъ. Катя и Клавдія сажаютъ ее на стулъ.)

Константинъ. Послѣ такихъ сценъ тебѣ нельзя здѣсь оставаться ни минуты. Чтобъ прекратить этотъ скандалъ, я тебя отправлю домой. Ѣдемъ на вокзалъ.

Леночка. Костенька..!

Константинъ. Ѣдемъ. (Крѣпко сжимаетъ ей локоть.) Только послѣ твоего отъѣзда они всѣ убѣдятся, что ихъ догадки не имѣютъ никакого основанія. (Уводитъ Леночку.)

Клавдія. Мамаша, лягте. Катя, отведи ее.

Ванюшинъ. Отведите... да за докторомъ пошлите. (Клавдія и Катя уводятъ Арину Ивановну. Ванюшинъ опускается на стулъ, долго молчитъ и потомъ начинаетъ рыдать какъ ребенокъ. Алексѣй подходитъ къ нему.)

Алексѣй. Не надо такъ огорчаться... вы ни въ чемъ не виноваты.

Ванюшинъ. Какъ не виноватъ-то? Мои вѣдь вы!

Алексѣй. Вы дѣлали все, что по вашему убѣжденію было нужно намъ, трудились, работали для насъ, кормили, одѣвали, учили...

Ванюшинъ. Такъ откуда же вы такіе?

Алексѣй. Сверху. Вотъ въ томъ-то и дѣло, папаша, что мы жили наверху, а вы внизу. Внизу вы работали, трудились, чтобы намъ жилось спокойно наверху... и мы жили, какъ кто хотѣлъ, какъ Богъ на душу положитъ.

(Ванюшинъ перестаетъ рыдать и внимательно слушаетъ сына, покачивая головой.)

Ванюшинъ. Такъ... такъ...

Алексѣй. Вы знали, что мы чему-то учимся, что-

то читаемъ, гдѣ-то бываемъ, но какъ мы воспринимаемъ, гдѣ бываемъ—вы этого не знали. По крышамъ еще мальчишками мы убѣгали сверху, и нерѣдко взрослыми продѣлывали то же самое. Насъ развращали няньки и горничныя, мы сами себя развращали—старшіе младшихъ. Все это дѣлалось наверху, и вы ничего не знали.

Ванюшинъ. Такъ... такъ...

Алексѣй. Вы рождали насъ и отправляли наверхъ. Рѣдко мы спускались къ вамъ, внизъ, если не хотѣлось пить и ѣсть, а вы поднимались къ намъ только тогда, когда находили необходимымъ ругать насъ и бить. И вотъ мы выросли, мы сошли сверху уже взрослыми людьми, со своими вкусами, желаніями и требованіями, и вы не узнаете насъ; вы спрашиваете, откуда мы такіе? Какъ, должно быть, тяжело вамъ! (Опирается руками на ручку кресла, на которомъ сидитъ Ванюшинъ, и плачетъ.)

(Ванюшинъ цѣлуетъ его въ голову.)

Алексѣй. Вы цѣлуете? Вѣдь это первый поцѣлуй отца! Папаша!... (Склоняется передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ руку.)

Ванюшинъ. Поѣзжай... куда хочешь, поѣзжай, помогать буду... (Крѣпко прижимаетъ его къ груди.) Родной мой!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Новая обстановка въ той же гостиной. Арка задрапирована тяжелой матеріей подъ цвѣтъ мягкой мебели; цвѣты въ кадкахъ и этажерка унесены; рояль замѣнена изящнымъ піанино; изысканная мебель въ современномъ вкусѣ и разныхъ фасоновъ съ преднамѣренной небрежностью разбросана по всей гостиной; посрединѣ оттоманка, у которой стоитъ высокая лампа съ кружевнымъ абажуромъ; тяжелыя занавѣси на окнахъ и на двери; новый коверъ; на стѣнахъ остались старыя бра; художественныя картины замѣнены посредственными олеографіями въ богатыхъ рамкахъ и изящными полочками съ разными бездѣлушками—фарфоровыми куклами, коробочками и т. д.; на потолкѣ бронзовая лампа со свѣчами.

setting sun?

Въ залѣ новые, болѣе изящные стулья и небольшая люстра посрединѣ потолка. Электрическіе звонки. Семь часовъ вечера. Красный отблескъ заката блеститъ на полу и освѣщаетъ комнату красноватымъ свѣтомъ. Ванюшинъ выходитъ изъ двери въ халатѣ и съ компрессомъ на головѣ; идетъ онъ медленно, боязливо озираясь, какъ будто бы кого боится; садится у окна и долго смотритъ на закатъ; въ рукѣ у него пачка кредитныхъ денегъ, которую онъ прячетъ подъ халатъ.

Ванюшинъ. Который часъ? А?.. Солнце заходитъ... (Сбрасываетъ съ головы компрессъ.) Бумаги... мокрой бумаги лучше... пройдетъ. (Сжимаетъ голову. По улицѣ кто-то проѣзжаетъ,—слышенъ стукъ колесъ.) Ѣдутъ... куда ѣдутъ? Не скоро. Надо деньги отдать... Спрятать... (Прячетъ деньги подъ коверъ; опять садится у окна и смотритъ на закатъ.) Ты видишь... Весь я предъ Тобой! Ничего не надо... пусть, какъ сами хотятъ... ничего... Скорѣе! (Подходитъ къ двери и тихо зоветъ Арину Ивановну.) Аринушка... Аринушка! Гдѣ она? Всѣ умерли. (Прислушивается.) Тихо.

(Входитъ Арина Ивановна изъ залы. На ней шелковое платье; на плечахъ большой купеческій платокъ, на головѣ кружевная наколка.)

Арина Ивановна. Вотъ ты гдѣ! А я тебя ищу... думала—ушелъ ужъ. Письмо отъ Алешеньки получили... Катя сейчасъ читала.

Ванюшинъ. Письмо... (Беретъ письмо и опускается на стулъ.)

Арина Ивановна. Пишетъ, что ужъ больно хорошо ему. Неправда, чай?

Ванюшинъ (посмотрѣвъ пристально на Арину Ивановну). Всѣмъ вамъ будетъ не хорошо. (Опускаетъ голову.)

Арина Ивановна. Компрессъ-то зачѣмъ съ головы снялъ? Лучше, что ли?

Ванюшинъ. Да, лучше... совсѣмъ прошло.

Арина Ивановна. Ну, такъ иди надѣнь сюртукъ. Вѣдь, скоро пріѣдутъ.

Ванюшинъ. Пріѣдутъ... (Съ улицы доносится стукъ колесъ.) Ѣдутъ?..

Арина Ивановна. Да это не онѣ. Мало-ли по улицѣ ѣздитъ народу?

Ванюшинъ (испуганно). А если онѣ?

Арина Ивановна. Костенька говорилъ, что раньше половины девятаго не пріѣдутъ.

Ванюшинъ. Девятаго... девятаго... А теперь сколько? Свѣтаетъ?

Арина Ивановна. Да что ты? Господь съ тобою! Чай, вечеръ.

Ванюшинъ. Ты вотъ что, возьми... (Подводитъ ее къ тому мѣсту, гдѣ положилъ деньги подъ коверъ, и указываетъ пальцемъ.)

Арина Ивановна. Да никакъ ты рехнулся? Батюшки! Я огонь велю зажигать... пусти-ка!

Ванюшинъ (держа ее за руку). Не бойся, я такъ... разстроился... огня не надо... потомъ... деньги тутъ...

Арина Ивановна. Да гдѣ?

Ванюшинъ. Подъ ковромъ. Я положилъ.

(Арина Иванова достаетъ деньги.)

Ванюшинъ. Ты ихъ того... спрячь. Еленѣ передай, скажи отъ меня ребенку.

Арина Ивановна. А самъ-то что?

Ванюшинъ. Константинъ узнаетъ, отыметъ. Напиши ей: боленъ, писать не можетъ, а деньги шлетъ.

Арина Ивановна. Обрадуется она, бѣдная...

Ванюшинъ. Обрадуется? И онъ обрадуется.

Арина Ивановна. Кто онъ?

Ванюшинъ. Высокій, ученый...

Арина Ивановна. Костенька-то? Она, чай, ему и не скажетъ.

Ванюшинъ. Я сяду.

Арина Ивановна. Шелъ бы лучше въ спальню, полежалъ бы съ часокъ, а потомъ одѣлся. Надо вѣдь выйти будетъ къ невѣстѣ сегодня.

Ванюшинъ. Надо... скорѣе надо... Я только отдохну. (Садится.)

Арина Ивановна. Ну, посиди-ка. Огонь велю зажигать. Гдѣ Акулина-то? (Выходитъ въ залу и кричитъ.) Аку-

лина! (Акулина появляется въ залѣ. Арина Ивановна что-то ей говоритъ. Залъ освѣщается.)

Ванюшинъ. Слезы... много слезъ.. (Видитъ въ рукѣ письмо.) Отъ Алеши... (Подноситъ письмо близко къ глазамъ.) Не видно... Онъ послѣ всѣхъ узнаетъ...

Арина Ивановна. Ужъ я и не знаю,—въ залѣ люстру зажигать или нѣтъ?

Ванюшинъ. А?

Арина Ивановна. Люстру, говорю, въ залѣ зажигать или нѣтъ? Какъ посовѣтуешь?

Ванюшинъ. Люстру? Какую люстру?

Арина Ивановна. Въ залѣ. Самъ, чай, вчера крючокъ ввертывалъ... что ужъ ты какой забывчивый сталъ?

Ванюшинъ. Надо зажигать, зажигать надо...

Арина Ивановна. Акулина, Александръ Егоровичъ говоритъ, что надо зажигать.

Акулина. Мнѣ всѣ равно, только я слышала, Константинъ Александрычъ говорилъ Авдотьѣ, что не надо...

Арина Ивановна. Нѣтъ, лучше зажечь... торжественнѣе... Зажги.

Акулина. Какъ прикажете. (Уходитъ въ залъ и зажигаетъ люстру.)

Арина Ивановна. Ужъ больно у меня на сердцѣ не спокойно, Александръ Егоровичъ. И чего затѣваетъ— сами не знаемъ! Худая, желтая она вѣдь, а понравилась... Просто, какъ это Алешенька говорилъ, белены парень объѣлся.

Ванюшинъ. Пусть... все равно.

Арина Ивановна. А грѣхъ-то какой на душѣ у него остается. Подумать страшно! Вотъ, говорятъ, можно было бы выхлопотать въ Петербургѣ, чтобъ ему жениться на Леночкѣ... ужъ лучше на ней,—денегъ-то все равно не беретъ.

Ванюшинъ. Не надо... ничего теперь не надо... Все

кончено... Полны ведра слезъ... Унеси-ка! Пусть несутъ... Тяжелы эти ведра.

Арина Ивановна. Какія еще тамъ ведра? Поди лягъ лучше... И не выйдешь къ нимъ—ничего, скажемъ—боленъ.

Ванюшинъ. Нельзя этого.

(Входитъ Аня съ распущенными волосами, въ голубомъ платьѣ, на шеѣ голубая ленточка.)

Аня. Мы съ Катей уже одѣлись. Катя хотѣла надѣть сѣрое платье, а я настояла, чтобы голубое. Вѣдь это лучше, мамаша?

Арина Ивановна. Лучше. Покажись-ка отцу.

(Аня подходитъ.)

Ванюшинъ. Нарядилась? (Ласково и любовно гладитъ Аню по головѣ.)

Аня. Что это у васъ въ рукѣ? Письмо Алеши?

Ванюшинъ. Да, его.

Аня. Читали?

Ванюшинъ. Нѣтъ еще.

Аня. Хотите, я вамъ прочту?

Ванюшинъ. Читай.

Аня (читаетъ). „Дорогой папаша и милая мамаша! Деньги отъ васъ я получилъ и безконечно благодаренъ вамъ за нихъ. Я ждалъ меньше... высылайте не такъ много, съ меня достаточно и сорока рублей въ мѣсяцъ. О своей жизни ничего пока не могу сказать вамъ новаго,—все то же, что писалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ. Доволенъ и счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ. Мои сожители по квартирѣ оказались превосходными людьми: студентъ безплатно помогаетъ мнѣ заниматься, а съ академикомъ мы въ недѣлю стали самыми близкими друзьями. Каждый день бѣгаемъ въ Эрмитажъ,—такъ здѣсь называется картинная галлерея,—и цѣлые часы проводимъ у любимыхъ картинъ. Я кое-что начинаю понимать въ живописи, въ которой раньше ничего не смыслилъ. Лѣтомъ мы всѣ

трое думаемъ жить въ деревнѣ подъ Петербургомъ и заниматься, заниматься съ утра до вечера. Свобода— это первое необходимое условіе...

(Ванюшинъ, разсѣянно слушавшій до сихъ поръ письмо и погруженный въ какія-то свои соображенія, какъ будто бы вдругъ пробуждается и встаетъ.)

Ванюшинъ. Пальто мнѣ... шапку!

Аня. Куда вы? Въ халатѣ?..

Ванюшинъ (овладѣвъ собой и мгновенно сообразивъ, какъ ему нужно поступить дальше, чтобы привести въ исполненіе задуманное). Въ халатѣ нельзя... надѣну сюртукъ.

Аня. Вѣдь скоро невѣста пріѣдетъ... Куда вы?

Ванюшинъ. Купить ей—никому не говори—купить ей подарокъ... медальончикъ на шею, медальончикъ. (Уходитъ въ дверь.)

(Аня смотритъ ему вслѣдъ, инстинктъ подсказываетъ ей настроеніе отца. Съ этого момента она становится безпокойнѣе и тревожнѣе. Идетъ въ залъ, возвращается, подходитъ къ двери, въ которую вышелъ отецъ, и задумывается, взявшись за ручку двери. Арина Ивановна и Клавдія появляются въ залѣ и, разговаривая, входятъ въ гостиную.)

Арина Ивановна. Все у насъ по новому. Смотри, какъ въ клубѣ, въ благородномъ собраніи.

Клавдія. Онъ на себя денегъ не жалѣетъ.

Арина Ивановна. Говоритъ, что сама Кукарникова обѣщалась на свой счетъ принять обстановку. (Обращаясь къ Анѣ.) Аня, гдѣ папаша?

Аня. Одѣваться пошелъ.

Клавдія. И старой рояли нѣтъ?

Арина Ивановна. Маленькую купилъ. Маленькая, а дороже большой стоитъ: пятьста заплатилъ. Ужъ и не знаю, что̀, Клавденька, будетъ? (Аня уходитъ.) Самъ-то на все рукой махнулъ, — пусть, говоритъ, живетъ своимъ умомъ.

(Клавдія разсматриваетъ вещи и до всего дотрогивается руками.)

Клавдія (щупая обивку стульевъ). Шелкъ или штофъ? Шелкъ, должно быть.

Арина Ивановна. Меня съ отцомъ изъ спальни гонитъ—наверху помѣстить хочетъ, а въ спальнѣ свой кабинетъ сдѣлать. Подумай-ка!

Клавдія. А вы не переходите. Сорокъ лѣтъ жили, всѣхъ тамъ родили, да наверхъ...

Арина Ивановна. Да какъ не перейдешь? Ходитъ, дуется, не говоритъ ни съ кѣмъ...

Клавдія. Да правда-ли, что онъ велѣлъ мнѣ приходить?

Арина Ивановна. Не буду я обманывать. Спрашивала, сказалъ: пусть приходитъ, только безъ своего сахара-лимоновича,—это онъ мужа твоего такъ называетъ.

Клавдія. Пора ужъ ему все забыть. Изъ-за чего теперь ссориться? Съ квартиры мы переѣхали. (Беретъ съ полочки фарфоровую статуэтку — полунагую женщину.) Безобразіе какое!

Арина Ивановна. Это что! У себя въ спальнѣ совсѣмъ нагую повѣсилъ. Подумай-ка!

Клавдія. Павлику очень хочется опять бывать здѣсь. Онъ съ Кукарниковыми давно знакомъ, гимназистомъ еще бывалъ у нихъ.

Арина Ивановна. А ты скажи—можетъ быть и позволитъ.

Клавдія. Посмотрю, какой буфетъ. Вотъ Леночка сюда пріѣхала бы! Порадовалась бы она!

(Арина Ивановна осматривается, беретъ Клавдію за руку, ведетъ въ уголъ, сажаетъ и тихо говоритъ.)

Арина Ивановна. Самому писала... о ребенкѣ призналась.

Клавдія. Ну?

Арина Ивановна. Какъ Богъ святъ, писала.

Клавдія. Что же папаша?

Арина Ивановна. Не велѣлъ онъ сказывать... да ужъ я тебѣ скажу. Ты только никому не говори. Не скажешь?

Клавдія. Говорите.

Арина Ивановна. Мужу не говори. Денегъ далъ, велѣлъ послать.

Клавдія. Сколько?

Арина Ивановна. Не считала. (Вынимаетъ изъ кармана деньги.)

Клавдія. Да тутъ много! Три пачки, должно быть по тысячѣ рублей. (Перелистываетъ одну пачку.) Три тысячи, мамаша! Ей много... будетъ и двухъ.

Арина Ивановна. Всѣ надо послать. Спрячь покуда ты ихъ у себя: наверхъ будемъ перетаскиваться, какъ бы Костенька не увидалъ... или нѣтъ, дай лучше мнѣ, я въ подушку зашью.

Клавдія. Акулина ощупаетъ... смотрите...

Арина Ивановна. Ну, возьми. Помни: все послать надо.

(Вбѣгаетъ Катя съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Она такъ же одѣта, какъ Аня.)

Катя. Какой букетъ! Какъ пахнетъ! Костя велѣлъ въ вазу поставить. (Ставитъ букетъ въ воду.)

Клавдія. Пришелъ?

Катя. Переодѣвается въ своей комнатѣ.

Арина Ивановна. Это онъ, должно быть, ей.

Катя. Понятно... невѣста. Такъ всѣ дѣлаютъ.

(Входитъ Ванюшинъ, идетъ въ залъ. Онъ старается владѣть собой и гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первой сценѣ.)

Арина Ивановна. Куда ты, Александръ Егорычъ?

Клавдія (цѣлуя руку отца). Здравствуйте, папаша.

Ванюшинъ. Нужно. Надумалъ невѣстѣ подарокъ купить; это ей понравится.

Арина Ивановна. Да ужъ поздно, магазины, чай, заперли.

Ванюшинъ. Успѣю. Я... успѣю.

Катя (вынимаетъ изъ вазы букетъ и подбѣгаетъ къ отцу). Посмотрите, папаша: какой букетъ!

Ванюшинъ. Букетъ... (Пристально смотритъ на Катю, гла-

дить рукой по головѣ, хочетъ поцѣловать... и вдругъ быстро отвертывается и уходитъ.) Такъ я скоро вернусь.

Катя. Вотъ какая счастливая! И букетъ и подарки.

Арина Ивановна. А тебѣ женихъ вѣникъ подаритъ.

Катя. Я его этимъ вѣникомъ такъ...! (Обращается къ Клавдіи.) А вы зачѣмъ пришли? Костя узнаетъ, что вы здѣсь...

Клавдія. Мамаша, да вы говорили ли ему? Выгонитъ онъ, пожалуй, меня.

Арина Ивановна. Сказала, что позволилъ. А ты-то что, трещетка? Твое ли дѣло спрашивать? Шла бы наверхъ.

Катя. Очень интересно сидѣть наверху.

(Константинъ входитъ въ залъ. Онъ въ черной парѣ, въ петлицѣ цвѣтокъ.)

Константинъ. Къ чему это зажгли люстру? Я сказалъ, чтобы не зажигать. (Входитъ въ гостиную.) Зачѣмъ зажгли?

Клавдія (подавая руку). Здравствуй, Костенька.

Костя (не замѣчая протянутой руки). А, это ты! Здравствуй! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Потушить надо. Вѣдь я говорилъ, чтобы все было просто, обыкновенно. Онѣ пріѣдутъ къ намъ запросто, а не на вечеръ, не на балъ. Неужели вы этого не понимаете?

Арина Ивановна. Бѣда не велика, и потушить можно. (Выходитъ въ залъ и кричитъ.) Акулина!

Константинъ. Зачѣмъ кричать, когда есть звонки? До сихъ поръ привыкнуть не можете! (Нажимаетъ электрическій звонокъ.)

Арина Ивановна (выходитъ изъ зала). Забываю все про звонки-то.

Константинъ. Пожалуйста, при нихъ не вздумайте кричать. (Входитъ Акулина.) Потушите люстру! Достаточно одной лампы на столъ.

(Акулина тушитъ люстру.)

Константинъ (обративъ вниманіе на костюмъ Кати). Ты это куда вырядилась? На свадьбу, что ли собралась?

Катя. Мамаша велѣла.

Константинъ. Мамаша! Могла сама догадаться— не маленькая—что это ни къ чему. Разъ люди пріѣзжаютъ къ намъ запросто, то они должны насъ встрѣтить такими, какими мы бываемъ обыкновенно. А это сейчасъ видно, что ты нарядилась для нихъ.

Катя. Неужели же переодѣваться надо?

Константинъ. Какъ хочешь. Я только говорю, что все у насъ дѣлается глупо и нелѣпо. (Замѣтивъ шаль на Аринѣ Ивановнѣ.) Зачѣмъ вы надѣли эту дурацкую шаль?

Арина Ивановна. Развѣ не нужно?

Константинъ. При царѣ горохѣ нужно было. Снимите!

Арина Ивановна. Сейчасъ. А Катѣ съ Анечкой тоже снять?

Константинъ. Какъ хотятъ.

(Арина Ивановна и Катя уходятъ. Константинъ разваливается на оттоманкѣ.)

Константинъ. Усталъ. Цѣлый день сегодня по магазинамъ, изъ одного въ другой, изъ другого въ третій. У насъ вѣдь ничего не умѣютъ дѣлать,—приходится все самому, даже закуску самъ покупалъ.—Какъ находишь обстановку?

Клавдія. Прекрасно, со вкусомъ, очень хорошо. Неужели ты это одинъ покупалъ?

Константинъ. Нѣтъ, бралъ съ собой покупать кучера Ивановича и кухарку Сергіевну! Ты до сихъ поръ не поумнѣла!

Клавдія (принужденно смѣясь). Какой ты забавникъ сталъ... Должно быть, очень счастливъ?

Константинъ. Это мое дѣло. Пора тебѣ съ мужемъ отстать отъ привычки совать носъ, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

Клавдія. Да ужъ мы не суемъ. Съ квартиры переѣхали... все недоволенъ...

Константинъ. Пятнадцать лѣтъ жили.

(Пауза. Клавдія ищетъ темы для разговора и подходитъ къ букету.)

Клавдія (щупая букетъ). Это, Костенька, изъ живыхъ цвѣтовъ или изъ искусственныхъ?

Константинъ. Не трогай руками!

Клавдія. Не буду. Я думала...

Константинъ (увидавъ на стѣнахъ бра). Кто это опять повѣсилъ эти рогули? Вчера я снялъ...

Клавдія. Я не знаю.

Константинъ (снимая бра). Чешутся руки, чортъ ихъ дери! Ни въ одномъ порядочномъ домѣ не найдешь теперь этихъ треножниковъ. (Входитъ Арина Ивановна.) Костенька, гдѣ на столъ накрывать, въ залѣ?

Константинъ. Что?

Арина Ивановна. Столъ-то гдѣ накрывать?

Константинъ. Въ столовой.

Арина Ивановна. Тамъ вѣдь Авдотья спитъ.

Константинъ. Фу, ты! Столовая теперь у насъ въ моей комнатѣ.

Арина Ивановна. А я думала, въ залѣ лучше.

Константинъ. Я знаю, что̀ лучше. Кто это бра повѣсилъ?

Арина Ивановна. Я велѣла. Что имъ въ кладовой-то лежать...

Константинъ. Ихъ надо выбросить въ помойную яму. (Отворяетъ дверь и бросаетъ бра.) Пожалуйста, послѣдите, чтобы было на столѣ все прилично, какъ я говорилъ. Къ чайному столу рыбной закуски не подавать; ростбифъ подать цѣлымъ кускомъ и нарѣзать какъ можно тоньше только нѣсколько кусочковъ,—понимаете, какъ можно тоньше. Къ зеленому сыру не забудьте тёрочку. Да, нѣтъ, вы все забудете! Я лучше самъ займусь. (Идетъ и останавливается у арки.) Да что это папаши не видать?

Арина Ивановна. Ушелъ онъ.

Константинъ. Куда?

Арина Ивановна. Подарокъ надумалъ купить невѣстѣ.

Константинъ. Это очень мило. Только не купитъ онъ ничего порядочнаго... жаль, что не поручилъ мнѣ. (Уходитъ.)

Клавдія. Все сердится, а на что, и самъ не знаетъ.

Арина Ивановна. Такой ужъ у него характеръ. Говорила, что ли, ему про мужа?

Клавдія. Ну, вотъ еще! Я какъ на угляхъ съ нимъ сидѣла, говорить-то не знала что̀; съ чего ни начну, все оборветъ.

(Входитъ Аня.)

Аня. Папаша не приходилъ?

Арина Ивановна. Нѣтъ еще.

(Аня подходитъ къ окну и смотритъ въ него.)

Арина Ивановна. Костенька говорилъ, чтобъ снять вамъ голубыя платья. Ступай сними.

Аня. Все равно.

Клавдія. Не пойти ли мнѣ помочь чего-нибудь?

Арина Ивановна. Ступай.

Клавдія. Какъ бы не прогналъ... Опять скажетъ: зачѣмъ носъ суешь! Лучше ужъ не пойду.

Арина Ивановна. Ты вотъ что мнѣ скажи: что мнѣ съ ней-то разговаривать?

Клавдія. Съ кѣмъ?

Арина Ивановна. Съ самой-то, съ Кукарниковой. Больно ужъ она важная: говоритъ, такъ не дождешься, когда скажетъ.

Клавдія. Молчите, сидите да слушайте.

Аня. Кажется, дождь идетъ... первый дождь...

Клавдія. Унижать себя предъ ней тоже не надо. Она гордится тѣмъ, что генеральша, а вы дайте ей почувствовать, что дочь-то ея берете безъ денегъ. Скажите: у Кости такія-то, такія-то невѣсты богатыя были.

Арина Ивановна. Какъ бы не обидѣлась.

Клавдія. Ничего, она обидится, такъ не покажетъ виду, что обидѣлась,—не узнаете.

Аня. Дождь идетъ, мамаша.

Арина Ивановна. Ну, что ты съ пустяками пристаешь? Пусть идетъ.

(Вбѣгаетъ Авдотья; она тоже одѣта по-праздничному.)

Авдотья. Арина Ивановна, фруктовыхъ ножей не найдемъ... Костенька сердится.

Арина Ивановна. Гдѣ же они? Тамъ вѣдь были, въ буфетѣ.

Авдотья. Нѣтъ тамъ ни старыхъ ни новыхъ. (Увидавъ Клавдію.) Здравствуйте. Просто ногъ подъ собой не слышу, забѣгалась.

Арина Ивановна. Пойду посмотрю.

Авдотья. Идемте. (Уходятъ.)

Клавдія. Что ты такая скучная?

Аня. Я не скучная.

Клавдія. Скажи мнѣ, на какія это деньги все куплено?

Аня. Не знаю.

Клавдія. Я думаю—слышала разговоръ?..

Аня. Папаша не говоритъ ничего. (Пауза. Клавдія разсматриваетъ вещи.) Онъ не пошелъ покупать... Какой подарокъ? Зачѣмъ? Ему смотрѣть на нихъ не хочется, вотъ онъ и ушелъ. Не придетъ онъ.

Клавдія. Что ты! Развѣ это можно? Неделикатно, да и Костя обидится.

(Вбѣгаетъ Катя.)

Катя. Пріѣхали! Пріѣхали! Она вся въ черномъ, въ волосахъ брильянтовая звѣзда.

Клавдія. Какъ же намъ? Итти туда, что ли?

Аня. Я не знаю. Все равно.

Клавдія. Пойдемте... Нѣтъ, лучше здѣсь подождемъ. Катя, посмотри, все ли у меня въ порядкѣ?

Катя (осматриваетъ Клавдію). Ничего, все хорошо. Платье старое.

Клавдія. Братецъ на новое еще денегъ не далъ.

(Входятъ Кукарникова, Инна, Константинъ и Арина Ивановна. Кукарникова—пожилая сѣдая дама; бѣлится и подводитъ брови; одѣта со вкусомъ, говоритъ сквозь зубы, растягивая слова; близорука—смотритъ въ лорнетъ. Инна, двадцати - семилѣтняя, маленькая, худенькая брюнетка съ желтымъ цвѣтомъ лица; симпатична; держится просто и непринужденно.)

Константинъ (рекомендуя Аню). Вотъ Аня...

Инна (цѣлуя Аню). Я такой васъ и воображала. Мы будемъ друзьями? Я хочу, чтобъ мы были друзьями.

Кукарникова (поцѣловавъ Аню). Прелесть... Какъ къ лицу вамъ голубое.

Константинъ (взявъ изъ воды букетъ). Позвольте, Инна... (Вспомнивъ о Клавдіи.) Ахъ, да! вотъ еще сестра Клавдія.

Инна. Какой ты разсѣянный. Очень пріятно.

Клавдія. И мнѣ тоже. (Подходитъ къ Кукарниковой.) А васъ я давно знаю; мой мужъ о васъ такъ много говорилъ, восхищался вами... Онъ у васъ бывалъ въ домѣ еще гимназистомъ.

Кукарникова. Да? Я, вѣроятно, вспомню. (Отходятъ въ сторону и продолжаютъ разговоръ.)

Инна (разсматривая букетъ). Хорошъ... Только слишкомъ много пунцовыхъ розъ.

Константинъ. Я хотѣлъ изъ однѣхъ пунцовыхъ, но ихъ не могли набрать.

Инна. Слишкомъ много яркаго. Блѣднѣе проще, а чѣмъ проще, тѣмъ прочнѣе. Comprenez vous, monsieur?

Константинъ. Chacun a sa fantaisie...

Инна. Ахъ, только пожалуйста не по-французски! Не забывайте слова... (Обращается къ Анѣ и Катѣ.) Можно брата за уши оттаскать, чтобы онъ не говорилъ по-французски? (Треплетъ за ухо Константина.) Никогда не нужно дѣлать того, что мы не умѣемъ. (Катя и Аня смѣются.)

Кукарникова. Смотрите, смотрите, какъ мило! Инночка уже вступила въ свои права жены: таскаетъ мужа за уши.

Константинъ. Я хотѣлъ бы, мама, чтобъ она ихъ совсѣмъ выдернула.

Кукарникова. Это восхитительно! (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Какой онъ у васъ милый мальчикъ. Надѣюсь, вы не въ претензіи, что онъ меня уже называетъ мамой?

Арина Ивановна. Меня мамашей зоветъ.

Кукарникова. А меня мамой... Ахъ, какъ это мило! Подойди, я тебя поцѣлую. (Цѣлуетъ Константина въ голову.) У тебя — говорю не комплиментъ — масса вкуса... Мебель изящна, цвѣта подобраны прекрасно... Все мило и просто. Но мнѣ кажется, что эта комната не носитъ опредѣленнаго, такъ сказать, характера: не то гостиная, не то будуаръ...

Константинъ. Я еще не успѣлъ хорошо обдумать, куда и что поставить... Это только набросокъ. Вотъ ужъ съ Инной мы распланируемъ все иначе.

Кукарникова (подумавъ). По-моему, рояль лучше поставить въ залъ. Этотъ приборъ (указываетъ на маленькій диванчикъ, кресла и столъ) посрединѣ... (Обращается къ Аринѣ Ивановнѣ.) Впрочемъ, простите... я какъ будто начинаю распоряжаться.

Константинъ. Пожалуйста, мама.

Кукарникова. Нѣтъ, нѣтъ, предоставляю все тебѣ и милѣйшей Аринѣ Ивановнѣ.

Арина Ивановна. Пожалуйте чай кушать въ Костенькину комнату... то бишь, въ столовую.

Кукарникова. Чай? Прекрасно. Идемте, Арина Ивановна. Я всегда пью въ девять часовъ.

Арина Ивановна. Клавденька, пойдемъ. (Подходитъ къ Иннѣ и, улыбаясь, очень учтиво спрашиваетъ.) А вы-съ?

Константинъ. Мы здѣсь будемъ. Хорошо, Инна?

Инна. Все равно.

Константинъ. Вы намъ пришлите сюда.

Арина Ивановна (обращаясь къ Кукарниковой). Пожалуйте!

Кукарникова (беретъ за руку Арину Ивановну). Намъ нужно съ вами о многомъ поговорить. Мы матери, и поймемъ другъ друга. (Уходятъ. Клавдія за ними.)

Катя. А намъ, Костя, можно итти?

Инна. Вы не хотите остаться съ нами?

Катя. Отчего... нѣтъ...

Константинъ. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой объ одномъ предметѣ. Онѣ могутъ потомъ притти.

Аня. Мы уйдемъ. (Обѣ уходятъ.)

Инна. Это грубо. Самъ же говоришь, что онѣ мало воспитаны, и такъ обращаешься съ ними... Нехорошо.

Константинъ. Ничего. Я тебѣ буду очень благодаренъ, если ты ими займешься; онѣ не глупенькія, но положительно не воспитаны. Мамаша развѣ можетъ понимать что-нибудь въ воспитаніи?

Инна (разваливается на оттоманкѣ). Ну-съ, давай секретничать.

Константинъ. Смотрю я на тебя, и не вѣрю глазамъ: неужели ты у меня въ домѣ?

Инна. Не вѣришь глазамъ,—можешь осязать. (Показываетъ на щеку.) Цѣлуй.

Константинъ (цѣлуетъ). Ты обворожительна сегодня!

Инна. Какъ всегда.

(Константинъ продолжаетъ цѣловать.)

Инна (отстраняя Константина). Довольно. Сейчасъ чай подадутъ... Говори, что хотѣлъ.

Константинъ. Вотъ видишь ли... (Проходитъ по комнатѣ и садится на оттоманку къ ногамъ Инны.)

Инна. Я жду.

Константинъ. Когда чай принесутъ. (Опять встаетъ.)

Инна. Я не люблю, когда мямлютъ. Говори.

Константинъ. Скажи мнѣ: ты любишь меня?

Инна. Люблю.

Константинъ. Я вѣрю, и потому только рѣшаюсь сегодня разсказать тебѣ... я могъ бы совсѣмъ не разсказывать, если бы не былъ увѣренъ въ тебѣ.

Инна. Ты меня пугаешь.

Константинъ. Повторяю, я могъ бы не разсказывать, если бы не былъ увѣренъ въ тебѣ, но я счелъ своимъ долгомъ разсказать... да притомъ... я боюсь... слухи и сплетни постоянно искажаютъ факты...

Инна. Я не люблю, кто мямлитъ. Говори.

(Акулина подаетъ чай и уходитъ.)

Константинъ. Вотъ видишь ли...

Инна. Это скучно.

Константинъ. Я скажу прямо. Ты, понятно, настолько умна и настолько знаешь жизнь, что не представляешь себѣ мужчинъ какими-то безупречными ангелами... reproachable

Инна. Дальше. Вы хотите говорить о вашемъ бывшемъ романѣ? Начинайте прямо съ нея... Кто она?

Константинъ. Вотъ видишь ли...

Инна. Ничего я не вижу. Кто она?

Константинъ. У насъ здѣсь жила... моя родственница. Я былъ моложе, увлекся... думалъ сдѣлать изъ нея человѣка... fell in love

Инна. И сдѣлали изъ нея любовницу?

Константинъ. Я искренно увлекся, Инна, и, можетъ быть, это увлеченіе не прошло бы до сихъ поръ, если бы она была другой... Но она оказалась такой мелкой, мѣщанской натурой, узкой и эгоистичной, что я не нашелъ съ ней ничего общаго. Когда же я сходился, у меня были честныя намѣренія: я мечталъ образовать ее,—она почти ничего не знала,—воспитать въ ней себѣ жену по своему идеалу, но изъ этого ровно ничего не выходило. Каждый день я убѣждался въ ея природной тупости, въ неспособности... ея буржуазные вкусы, наклонности возмущали меня, и я...

Мы разстались. Ты, вѣроятно, услышала бы здѣсь эту исторію въ искаженной редакціи, и я счелъ необходимымъ разсказать тебѣ.

Инна. Гдѣ она теперь?

Константинъ. Она уѣхала къ матери въ Самару. У ней три сестры; имѣютъ мастерскую, сами шьютъ... Я помогаю. (Беретъ Инну за руку.) Прости меня. Чего я искалъ въ ней, я нашелъ въ тебѣ... Не разбивай моего счастія. (Молчаніе.) Не молчи, говори скорѣе мой приговоръ.

Инна. Благодарю васъ.

Константинъ. Оставьте шутки.

Инна. Я серьезно благодарю васъ.

Константинъ. За что?

Инна. Вы облегчили меня: я должна была вамъ тоже сказать... На все, что вы мнѣ сказали, я отвѣчу русской пословицей: „долгъ платежемъ красенъ". Вы тоже у меня будете не первымъ...

Константинъ. Ты шутишь?

Инна. Нисколько.

(Константинъ ошеломленъ.)

Константинъ. Но... я не вѣрю.

Инна. Повѣрьте. Намъ лучше теперь прекратить нашъ разговоръ. Я знаю про васъ, вы про меня,—подумаемъ наединѣ, и если простимъ другъ другу, то встрѣтимся вновь друзьями. Пріѣзжайте къ намъ въ среду, а теперь довольно.

Константинъ. Но какъ же, Инна...

Инна. Дальнѣйшій разговоръ на эту тему я считаю преждевременнымъ. Совѣтую, когда вы будете думать наединѣ, не забывать одного французскаго афоризма: tout comprendre c'est tout pardonner. Займемся чѣмъ-нибудь. Ты говоришь, что у тебя много новыхъ нотъ?

(Подходитъ къ піанино, выбираетъ ноты и играетъ. Константинъ остается на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ.)

Инна (взглянувъ на Константина). Мы будемъ думать наединѣ, не теперь... Идите сюда!

(Пауза. Константинъ не подходитъ къ ней.)

Инна. Нравится вамъ?

Константинъ. Я никакъ не могу представить...

Инна. Мы будемъ говорить объ этомъ послѣ.

(Продолжаетъ играть. Пауза. Изъ зала выходятъ Кукарникова, Арина Ивановна, Клавдія, Аня и Катя.)

Кукарникова. Мы услыхали музыку и пришли васъ слушать.

(Садятся. Аня подходитъ къ окну.)

Кукарникова. Это любимая вещь Инночки. (Обращается къ Клавдіи.) Вамъ нравится?

Клавдія. Да.

(Всѣ слушаютъ. Черезъ нѣкоторое время Инна перестаетъ играть и украдкой смотритъ на Константина, который все еще сидитъ въ одной и той же позѣ.)

Арина Ивановна. Костенька, что это папаши-то нѣтъ?

Константинъ (смотритъ на часы). Половина десятаго. Кто-нибудь задержалъ.

Кукарникова. Человѣкъ дѣловой, общественный дѣятель.

Аня. Вотъ, кажется, калитка хлопнула. Это онъ.

Константинъ. Да, вѣроятно, онъ. (Уходитъ.)

(Пауза. Инна перебираетъ клавиши. Константинъ входитъ.)

Константинъ. Нѣтъ, это не онъ.

(Всѣ становятся тревожнѣе.)

Арина Ивановна. Не послать ли къ Павлу Сергѣевичу? Можетъ быть, онъ у него?

Клавдія. Павлика дома нѣтъ, мамаша.

Арина Ивановна. Такъ гдѣ же Александръ Егоровичъ? Ужъ я не знаю. (Пауза.)

Константинъ. Вы простите, мама. Вѣроятно, что-нибудь папашу задержало.

Кукарникова. Мы, кажется, не собираемся домой. Насъ скоро не спровадишь. Вотъ Инна намъ споетъ что-нибудь. Инночка, спой.

Инна. Дуэтъ съ Костей.

Кукарникова. Да, да, Костя, покажите-ка свои таланты.

Константинъ. Я не могу, мама: всего взялъ только десять уроковъ, пою упражненія.

Инна (обращаясь къ Костѣ). Что хотите, чтобъ я спѣла?

Константинъ (выбираетъ романсъ). Спойте вотъ это. Я слышалъ въ Москвѣ, какъ пѣла Фостремъ. Чудно!

Инна. Хорошо. (Поетъ.)

Аня. Его голосъ!.. Пришелъ.

(Инна перестаетъ пѣть. Всѣ смотрятъ въ залъ и ждутъ. Пауза.)

Константинъ. Должно быть, тебѣ послышалось.

(Арина Ивановна выходитъ и скоро возвращается.)

Арина Ивановна. Нѣтъ, не онъ...

Константинъ. Продолжайте, Инна.

Аня. Простите, я вамъ помѣшала пѣть.

Инна. Ничего. (Продолжаетъ пѣть.)

(Черезъ нѣкоторое время доносится какой-то неопредѣленный шумъ. По залу пробѣгаетъ Акулина. Аня, Арина Ивановна и Константинъ прислушиваются къ шуму. Инна продолжаетъ пѣть. Шумъ ближе,— ясно слышно топанье ногъ. Скоро въ залѣ появляются незнакомые люди; кто-то изъ нихъ говоритъ: „сюда". Инна смолкаетъ. Въ гостиной тишина.—Вносятъ трупъ Ванюшина. Несутъ старикъ въ лохмотьяхъ, татаринъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ простонародья. Въ толпѣ замѣтенъ одинъ только интеллигентный человѣкъ въ цилиндрѣ. Люди съ трупомъ входятъ въ гостиную.)

Константинъ (не уясняя происшедшаго, робко и тихо спрашиваетъ старика). Что съ нимъ?

Старикъ въ лохмотьяхъ (глухимъ голосомъ). Застрѣлился... въ саду.

Константинъ дѣлаетъ шагъ впередъ и съ искаженнымъ лицомъ отъ ужаса смотритъ на трупъ; Арина Ивановна остолбенѣла на мѣстѣ; лицо Клавдіи подергиваютъ судороги; Аня сейчасъ вскрикнетъ и упадетъ въ обморокъ. Кукарникова и Инна, недоумѣвая, глядятъ другъ на друга.

Страшная пауза.

Еще моментъ—и трагедія ихъ душъ воплями и стонами вырвется наружу.

Outward

May 29 1919

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

Stanford University Libraries
3 6105 012 349 432

PG
345
A6D5

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUN 10 1996
JUN 12 1996